

КОСТЁР

2 ФЕВРАЛЬ 1978

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1978

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1978 г.

В НОМЕРЕ:

Продолжение
повести
Вадима ФРОЛОВА

**„В ДВУХ ШАГАХ
ОТ ВОЙНЫ“**

ЗАЧЕМ РАЗРЕЗАЛИ МОСТ НА ТРИ ЧАСТИ?

Об этом вы узнаете,
прочитав очерк конструктора
объединения «Кировский завод»
А. САФОНОВА.

«В июле наш батальон направили к
передовой. Рядом со мной, повесив
хвосты, высунув языки и опустив голо-
вы, плелась моя упряжка». — Из рас-
сказов проводника служебных собак
Н. ГРОМБЧЕВСКОЙ.

ЗМЕИ В ЦИРКЕ

Рассказывает
дрессировщик
Валентин
ФИЛАТОВ

Кто у вас
во дворе
хозяин? —
спрашивает
журнал юнкоров
„БАРАБАН“

Борис НИКОЛЬСКИЙ

СОЛДАТСКИЙ

Честно говоря, я первый раз по-настоящему понял, что мне на самом деле предстоит с парашютом прыгать, только когда уже на аэродром в полной десантной форме прибыл. Комбинезон, шлем, основной парашют — сзади, за спиной; запасной — спереди, все как положено. Раньше, пока мы тренировались, пока всякие хитрые упражнения делали, я все как-то думал: еще далеко, еще не скоро дело до прыжка дойдет.

А тут прибыл на аэродром, и не успел я оглянуться, команда раздается:

— По самолетам!

Маленький АН-2 уже ждал нас. Сейчас заберемся мы в самолет, взмлет он в воздух и...

Шутка ли сказать — с тысячи метров вниз лететь! Как подумал я об этом, так чувствую: мурашки по спине побежали.

Посмотрел на солдат, на товарищей своих, а им — хоть бы что! Забираются один за другим в самолет как ни в чем не бывало. И Смирнов из Ленинграда, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Синицын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже улыбается.

«Неужели, — думаю, — я один такой нервный?»

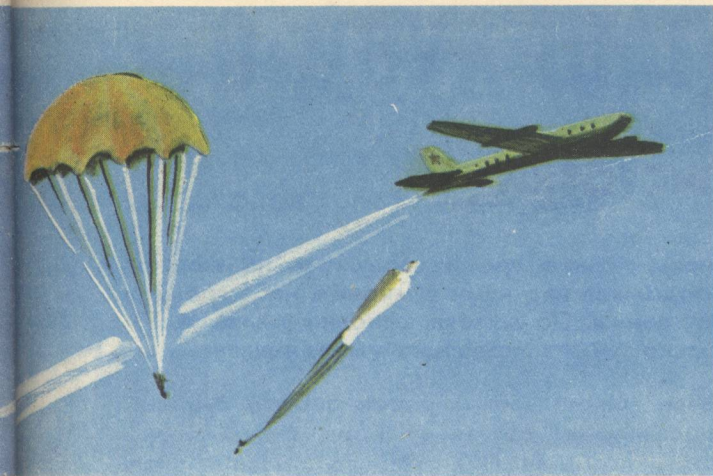
И стыдно мне, изо всех сил стараюсь вида не показать, что боюсь.

Забрались мы в самолет, сели.

Загудел мотор, взлетел наш АН-2 в воздух.

Посмотрел я в иллюминатор, а земля все дальше и дальше вниз уплывает. Дорога там

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЮНАРМЕЕЦ?

СЕКРЕТ

РАССКАЗ
ДЕСАНТНИКА

внизу, как ленточка, вьется, трактор бежит совсем маленький, словно игрушечный. И так я в эту минуту позавидовал трактористу — словами не рассказать! Хорошо ему — никуда прыгать не надо!

Нет, видно, не получится из меня десантник.

Глянул я на товарищей своих, а они сидят себе спокойненько. И Смирнов из Ленинграда спокоен, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Синицын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже глаза прикрыл, дремлет. Будто прыгать с парашютом для него самое привычное дело.

Я тоже глаза прикрыл и думаю:

«Выходит, им не страшно, а мне страшно? Секрет они какой знают, что ли?»

А тут подают команду:

— Приготовиться!

И все солдаты встают по этой команде. И Смирнов из Ленинграда, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Синицын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже потягивается слегка, словно и правда хорошо выспался.

И я встаю вместе со всеми.

Ветер врывается в самолет. Дверь уже открыта, и наш командир, выпускающий, стоит возле двери.

— Пошел!

Дверь распахивается во всю ширь.

Воздушные вихри клубятся снаружи.

Всего несколько шагов отделяет меня от этой распахнутой двери. И сразу слабеют ноги и

Многие из вас, конечно, скажут: «Юнармеец должен быть верным своей Родине, смелым и сильным, мужественным и находчивым...» То есть начнут перечислять важные моральные качества. И вот здесь-то некоторые почему-то забывают о таком необходимом юнармейском качестве, как умение быть самостоятельным.

Не раз и не два я был и судьей и посредником во время «Зарницы». И что порой видел? Выходят на плац отряды и один перед другим своей формой щеголяют. И тут выясняется, что подарили ее шефы. Не знаю, может, кому это и нравится, но я всегда привожу в пример ребят Чернореченской средней школы, есть такая в Ленинградской области. Они обходятся без няnek и на «Зарницу» приезжают в форме, которую сами себе сшили. Согласен, таких ребят, как чернореченцы, — большинство. Но будем откровенны: большинство, но не все. А есть еще и такие «зарничники», даже деревянную модель автомата сделать для себя не могут!

Думаете, зря сгущаю краски, к мелочам придираюсь?

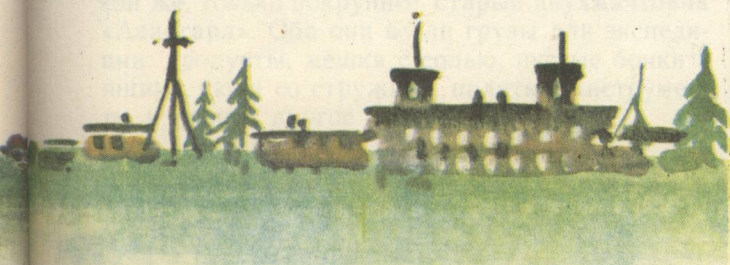
Вот был у меня летом такой случай. Ходил я с одним юнармейским отрядом по местам боев нашего гвардейского полка. Шли пешком, с рюкзаками, и не один десяток километров. Скажу прямо, поход всем очень понравился. Но что интересно? Девочки в этом трудном походе вели себя превосходно. А кое с кем из мальчиков пришлось трудновато. Ни палатки поставить не умеют, ни костра развести... и ждут, что все это за них дядя сделает. А дядя сказал: «Не умеете — научу! Но делать за вас ничего не буду. Это ваша мужская обязанность». И что бы вы думали? Быстренько научились — наука-то нехитрая, да и самолюбие щекотки боится.

Примеры, которые я привел, это, конечно, частности. И не они определяют общую картину. А главный мой вывод таков: крепнет юнармейская армия, год от года крепнет.

Вот еще факт. Зашел я недавно в одну из школ, к юнармейцам-пятиклассникам. Интересно у мальчиков, как у них обстоит дело с общефизической подготовкой. И, скажу честно, здорово они меня обрадовали. Один на турнике девять раз подтянулся. Другой — семь. И остальные отстали ненамного. А Костя Деркачев — я глазам своим не верил — целых пятнадцать раз! Я, понятно, объявил Косте благодарность, а сам думаю: «Этак он при таких темпах и меня скоро обгонит».

А теперь всем читателям «Костра» — мальчикам и девочкам я хочу пожелать успехов в учебе, крепкого здоровья и отличной юнармейской выучки. И пусть мальчики не обижаются за критику, разговор у нас мужской.

Гвардии прапорщик Виктор ВАСИЛЬЕВ

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ВОЙНЫ

ПОВЕСТЬ

Вадим ФРОЛОВ

Рисунки Ю. Шабанова

АНТОН И ДРУГИЕ

«Зубатка» шла горлом Белого моря. Справа по борту четко виднелся рыжеватый обрывистый Зимний берег и свободно разбросанные по нему избы села Инцы. Слева — в далекой дымке синела узкая полоска Кольского полуострова — Терский берег. Было тепло — дул легкий полудник, море отливало голубизной, и в ясном и тоже голубом небе носились крикливые чайки.

За «Зубаткой» на буксире-ваере тащилось небольшое двухмачтовое деревянное судно, когда-то ходившее под парусами, а сейчас ставшее просто баржей «Азимут», а за ним в кильватере своим ходом под мотором шел такой же, только покрупнее, старый двухмачтовик «Авангард». Оба они везли грузы для экспедиции: продукты, мешки с солью, пустые бочки и ящики, тюки со стружкой, палатки, инструменты и разное другое снаряжение.

А на самой «Зубатке» в оборудованном под жилой кубрик рыбном трюме разместились «промысловики» — около ста сорока мальчишек: непоседливых и спокойных, шумных и тихих, отчаянных и робких. Разных.

...Антон сидел на корме на чугунном кнехте и рассеянно смотрел на проплывающие мимо берега. Рядом, пристроившись на пустых ящиках, резались в «морского козла» четверо ребят. Изредка Антон хмуро поглядывал в их сторону. До сих пор его грызла глухая обида.

Было так: еще в Архангельске, когда оборудовали судно, а потом грузили снаряжение на «Авангард» и «Азимут», как-то само собой вышло, что все ребята сколотились по группам, и, тоже вроде само собой, в одной из групп стал верховодить Антон. В общем, ему подчинялись охотно, правда, были и такие, которые ворчали, дескать, да кто он такой, чтобы командовать?! Особенно старались Баланда и дружок его Шкерт, но их Антон быстро «укорачивал»: глянет только, они поворчат еще немного «для порядку» и продолжают работать. А работали все, надо сказать, хорошо. Здорово

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1978 г.

работали. Без задних ног валяются, а еще и шутки шутят. Витка Морошкин сачковал маленько, но его сами ребята в чувство приводили. Словом, все шло нормально. А потом на борту «Зубатки» почти перед самым отходом появилась Людмила Сергеевна — учительница биологии, из другой, не Антоновой школы.

Начальник экспедиции капитан Громов собрал тогда мальчишек на палубе и объявил, что к ним прибыл комиссар и что он просит всех уважать его и слушаться, как его самого.

— Женщина в море?! — презрительно фыркнул Витя Морошкин. — Добра не жди.

— А тетя Ньюша? — возразил Арся Гиков.

— Тетя Ньюша не тетя, а судовой кок, — внушительно сказал Витя.

— А ты про женский авиационный полк слышал? — спросил Антон.

— А в гражданскую сколько женщин комиссарами были! — подал голос Дима Соколов. — «Оптимистическую трагедию» читал?

— Вот то-то, что тра-ге-дия, — мрачно сказал Морошкин.

Людмила Сергеевна стояла на палубе рядом с Громовым и весело смотрела на ребят. Стройная, невысокая, с голубыми глазами и русыми волосами, она по сравнению с кряжистым сивосым начальником выглядела совсем девчонкой, и многие мальчишки с недоверием поглядывали на нее.

— Больше речей я произносить не буду, — сказала она улыбаясь, — думаю, что все, что собрался здесь, сами понимают, какое важное дело предстоит нам сделать...

— Подумаешь, важное, — хмыкнул Шкерт, — яйца утиные собирать, — и тут же схлопотал легкий подзатыльник от Антона.

— Ну, ты, — прошипел он злобно, — не очень-то рукам волю давай, начальник!

Людмила Сергеевна продолжала:

— Скажу только одно: обстановка очень сложная. После восьми месяцев героических боев сдан Севастополь, сейчас бои идут уже на Керченском направлении. Одесса — в руках врага, Ленинград — в блокаде, от Мурманского порта почти ничего не осталось, Владивосток далеко. Значит, вся надежда на... — она обвела серьезным и строгим взглядом притихшую толпу мальчишек, — вся надежда на наш...

— Архангельск! — словно выдохнули ребята.

— Да! Поэтому так и рвутся фашисты перекрестить морские пути к нашему городу. Поэтому свирепствуют их подлодки и самолеты в Баренцевом море, поэтому рыщут в океане их эсминцы и линкоры...

— «Тирпиц» уже дорыскался! — крикнул кто-то из ребят.

— Верно, — подтвердила Людмила Сергеевна. — Но, к сожалению, подбитому «Тирпицу» удалось уйти в норвежские шхеры. Да, ребята, наши подводники и летчики топят фашистские корабли, но враг все еще очень силен. Мы выходим в море... — Людмила Сергеевна как бы запнулась, но, мотнув головой, проговорила, — знаете, я не хочу вас пугать, но в

море можно ждать всего. И сейчас нам, как никогда, нужна железная флотская дисциплина, ясно?.. И вот еще что: для удобства работы и здесь и на островах решили мы разбить вас всех на четыре бригады. Бригадами будут взрослые, а помощников выбирайте сами. Действуйте.

Началась суeta, толкотня, кто-то кого-то звал, кто-то кого-то уговаривал, кто-то с кем-то переругивался, но постепенно все улеглось и наступил некоторый порядок.

Антон сразу же пошел на корму, и за ним потянулись ребята из его школы и Колька-Карбас. Посовещавшись о чем-то, к этой группе присоединились и Баланда со Шкертом. Вот тут и случилось то, что до сих пор не давало Антону покоя...

Вслед за ребятами на корму явился огромный бородатый дядька в брезентовой куртке и здоровенных рыбацких резиновых сапогах с отворотами. Он встал, широко, как при качке, расставив ноги, а трубка его дымила не хуже паровой трубы. Когда шум постепенно стих, он, сильно окая, неторопливо густым басом спросил:

— Наговорились? Досыта?

— Не-е, — насмешливо ответил длинноносый паренек, Славка из Одессы, — еще второй фронт не обсудили.

— Вона... президенты, — сказал серьезно дядька.

— Дядечка, а вы кем будете? — не унимался Славка. — Землепроходец, чи щё?

— Боцман я, — невозмутимо ответил «дядечка», — а теперя у вас, салаг, бригадиром буду.

Кто-то протяжно свистнул, другой хмыкнул, третий потрясенно сказал: «Вот это да-а!», а Славка вдруг упал на спину и дурным голосом заверещал:

— Дядечка, а вы нас в море не покидаете?

— На наживку рази тресковую, — задумчиво сказал боцман, — да нет, тошой больно.

Славка хотел продолжить, но Антон резко одернул его.

— Кончай, Одесса, треп разводите! — сказал он и повернулся к боцману. — Что делать будем?

— Перво-наперво, — сказал боцман, — мне помощник нужен, чтоб, значит, порядок блюсти. Вот и выбирайте.

Все, словно по команде, уставились на Антона. Тот с независимым видом смотрел в небо. Все почему-то молчали, и тогда, по школьной привычке, поднял руку Димка.

Но он ничего не успел сказать, его упредил Шкерт.

— Мезенского давайте, — быстро сказал он, — вот его, Кольку-Карбаса!

Колька оторопело посмотрел на Шкерта, да и все повернулся в его сторону.

— Пошто меня? — спросил Колька тонким голосом. — Какой из меня командир?

— И точно, — сказал Славка, — генерал!

— Адмирал, — поправил Морошкин, но тут же получил тычка в бок от Баланды.

— Его превосходительство, — неожиданно для себя сказал Димка.

— Ты того! — взвился Карбас. — За «превосходительство» и по ряхе промыслить недолго.

Ребята хохотали, и только Антон и Арся помолчали.

— Пошто его назвал? — спросил Шкерта боцман.

— Он море пошибче нашего знает, — вместо Шкерта лениво ответил Баланда. — Небось с батькой не раз на промысел хаживал.

— Ну, хаживал, — уныло сказал Колька, — дак...

— А Тошка не хаживал? — спросил Саня Пустошный.

— От Соломбалы до Мудьюга, ну, может, до Соловков еще, — презрительно возразил Баланда, — не дале. Так, что ль, корабель?

Антон молчал.

— А Арся не морячил, что ли? — опять спросил Саня.

— Морячил, — ухмыляясь, согласился Моршкин, — отец у него моряк, а сам он не дальше Мосеева острова на батиной шлюпке ходил.

Арся так посмотрел на Витьку, так, что тот

сразу же нырнул за спины ребят. И тут все загалдели, словно прорвалось что-то.

— Ко-ончай базар! — парходным гудком загудел боцман, перекрыв ребячьи голоса. — Значитси, так, — сказал он уже тише и положил свою ручищу на плечо Карбасу, — ежели промыслял, он и будет моим помощником. И чтоб ни-ни, — он погрозил пальцем, — чтоб его, как меня, слушать, а то гляди! — Он повернулся и пошел, топая сапогами, на главную палубу.

Карбас, не глядя на ребят, уныло поплелся за ним.

Вскоре на корме остались Антон, Арся и Димка. Антон стоял, опершись локтями на фальшборт, и смотрел на пенистый след от винта.

— Не горюй, Тошка, — сказал Арся, — Карбасище он ничего парень, а если нужно, все поможем.

— А я и не горюю, — сухо сказал Антон, — да нужно мне это командирство, как рыбе зонтик.

— А я не понимаю, — горячо сказал Димка, — почему именно Баланда и Шкерт Кольку выдвинули?

— Ты, дитя, еще много чего не пони-

маешь, — сказал Арся снисходительно, — а я так точно знаю.

— А мне наплевать, — сказал Антон.

— Не гордись, паря, — усмехнулся Арся, — тут дело не только в тебе. Эти обормоты Кольку под себя подмять хотят.

— Ну-у?! — недоверчиво сказал Антон.

— Вот тебе и «ну-у», — передразнил Арся. — Ты, питерский, помнишь, как Баланда у Кольки «американку» выиграл?

Димка кивнул, еще не понимая, в чем дело. Но Антон, кажется, понял. Он сразу вспомнил, как Баланда, когда еще «Зубатка» стояла на фактории, а они все после погрузки отдыхали на берегу, поспорил с Карбасом, что доплывет до баржи, стоявшей метров в пятидесяти от берега, поднырнет под нее и вернется. И доплыл ведь, черт морской. И вернулся — синий весь, ноги дрожат, а улыбается толстыми своими губами.

Антон еще тогда чуть не отлупил его — ребята удержали. «Американка», мол, дело нешуточное. Три вопроса, три желания, хочешь не хочешь, проиграл — исполняй.

— Вот гады! — крикнул Антон и сразу затих. — Ну, ладно эти, — сказал он с обидой, — от этих всего жди, а другие-то что? Чего я им сделал?

— Ты, Антон, не сердись, — серьезно сказал Арся, — а сейчас ты себя сам выдал. Хотелось тебе в командирах ходить. Хотелось!

Антон отвернулся.

— И вот еще что, — продолжал Арся, — ты не больно-то удивляйся, что тебя не выбрали. Вроде и правильно ты все делаешь, а... свысока, что ли. Вроде ты самый у нас умный да самый смелый... да ты на меня волком-то не гляди, я-то тебя знаю, а ребятам не шибко нравится, когда круто берешь...

— А ну вас! — сердито сказал Антон и повернулся, чтобы уйти.

— Нет уж, — жестко сказал Арся, — ты дослушай. Вот ты сейчас злой, как... так ты уж сдержись, никому не показывай. Это мы тебя с Димкой просим. А с этими... управимся. Так, питерский?

Димка молча кивнул. Чего уж там говорить: прав Арся.

— Ладно, — буркнул Антон, — сдержусь.

И все-таки он не сдержался.

Когда «Зубатка» уже вышла из Мудьюгского пролива, случилось ЧП — чрезвычайное происшествие.

На полубаке, устремив взгляд в небо, стоял капитан Громов. Пока, вроде, все шло нормально и настроение у капитана было хорошее. Он отдыхал. Самокрутка торчала у него под усами, сизый дымок ветерком относил в сторону, а у ног капитана смиренненько сидел, задрав кверху умильную морду, Шняка. Как он попал на судно, было загадкой: перед самым отходом его на руках унесла с пристани Марфа

Васильевна. Однако он был тут, и все изумились, но молчали, ожидая, что будет дальше. Шняке, видно, надоело сидеть спокойно, и он слегка тронул лапой капитанову брючину. А тот только немного отставил ногу и по-прежнему смотрел в небо. Все тихо хихикали, зажимая рты руками.

Шняка, обидевшись, что на него не обращают внимания, прихватил зубами самый низ капитанского клеша и дернул его к себе. И тогда Громов посмотрел вниз, а Шняка радостно тявкнул. У капитана брови поползли вверх и самокрутка вывалилась из рта.

— Эт-та што? Эт-та как! — запинаясь, спросил он.

И тут уж все чуть не попадали от хохота — такой у капитана был ошалелый вид. А Шняка прыгал вокруг него, заливаясь веселым лаем. Громов разбушевался — даже ногами затопал. Потом он наклонился, чтобы схватить пса за шиворот, но тот вывернулся из-под капитанской руки, кубарем скатился по трапу и помчался вдоль борта к корме.

— Поймать! Догнать! За борт! И доложить! — бушевал Громов.

Все кинулись догонять пса. Шняка носился по «Зубатке» сломя голову. Он, видно, решил, что с ним играют и потому был очень доволен — прыгал, увертывался, проскальзывал между ног. Но вот зажатого с трех сторон пса погнали в сторону спокойно стоявшего внизу у полубака Шкерта.

— Держи! — крикнул Антон.

— Ага, — сказал Шкерт, схватил прижавшегося к его ногам Шняку за шкуру и тут же выбросил его за борт.

В наступившей сразу же тишине послышался визг, потом всплеск, а за ним жалобный собачий скулеж. Шкерт улыбался. Антон молча пошел к нему, но в это время раздался новый сильный всплеск и сразу за ним отчаянный крик вахтенного:

— Человек за бортом!

Все кинулись к борту. Метрах в трех от судна, держа под левой подмышкой барахтающегося пса и сильно загребая правой рукой, к «Зубатке» подплывал какой-то парень. Антон подлез под леерами и лег на палубу. Ребята держали его за ноги, и он, свесившись с борта, принял из рук парня одурелого Шняку. По спущенному матросом веревочному трапику поднялся и парень. Он сразу спустился в кубрик, а Антон опять подошел к Шкерту. Вид у него был такой, что Шкерт сразу перестал улыбаться. И тут Антон дал Шкерту плюху. Шкерт упал.

— Оба ко мне! — загремел с полубака Громов.

Антон вернулся от начальника весь побелевший, а Шкерт снова улыбался, правда, как-то кривовато.

Вот почему Антона точила обида, вот что вспоминал он, когда «Зубатка» со своим караваном шла вдоль Зимнего берега.

ДРУГИЕ И АРСЯ

Далеко за кормой в голубом мареве скрылся остров Моржовец. «Зубатка» пересекла широко распахнутую в море Мезенскую губу. Солнце светило по-прежнему ярко, только посвежел ветер да вода стала зеленоватой и по ней загуляли некрупные, но крутые и какие-то беспорядочные волны. Они то ударили в борт, то настигали с кормы, а то неслись навстречу форштевню. Поэтому судно, похожее на большой черный утюг, то неуклюже переваливалось с боку на бок, а то задирало его кверху. Качка была хоть и не сильной, но уж больно противной.

Шумная, непоседливая ребятня немного приутихла. Многие лежали на нарах в кубрике-трюме и постанывали, некоторые бодрелись и торчали на палубе, хотя и у них в желудках было довольно муторно, а другим, особенно местным, такая качка была совсем ни о чем. Они ходили по судну, широко, поморяцки, расставляя ноги, и гордо поглядывали на укачавшихся.

— Толкунцы, — снисходительно объяснял Колька-Карбас, кивая на волны, — а у нас тут всегда так.

— Щёб они провалились, те толкунцы, — проворчал позеленевший Славка и, зажав рот рукой, вдруг побежал на корму и перегнулся через фальшборт.

— Одесса-то наша рыбку кормит, — хихикнул Витька Морошкин, но вдруг лицо его перекошилось и, схватившись за живот, он последовал за Славкой.

— Эх, морячки, — презрительно сплюнул Баланда, — тоже мне экс-пе-ди-ция. Еще настоящей волны не видел, а уже совсем скис.

— Ну-ка подотри! — тихо проговорил Арся, но глаза его угрожающе сузились.

— Еще чего?! — зло возразил Баланда.

— Подотри! — повторил Арся.

— А пошел ты! Тоже мне начальничек выискался! — скривил губы Баланда и повернулся, чтобы уйти.

Тогда Арся, схватив его за шиворот, резко бросил на колени, пригнул к настилу и ткнул носом. Баланда барахтался и ругался, но высвободиться из сильных Арсиных рук не мог. Арся отпустил его, он поднялся с колен и устоялся на Арсю. Толстые губы его дрожали, но взгляд был такой, что Арся даже немного отстранился.

— Ну, сейчас будет! — ахнул кто-то.

Баланда криво усмехнулся.

— Еще сочтемся, Гиков, — сквозь зубы процедил он и, повернувшись, медленно пошел вдоль борта.

— Не пугай, — бросил ему вслед Арся, — пуганные.

— Мало, видать, пуганный, — проговорил Шкерт и, подмигнув Карбасу, бросился догонять Баланду.

Втянув голову в плечи, Карбас поплелся за Шкертом.

— Ты эти штучки, Арся, брось, — сердито сказал Антон, — кулаком ничего не докажешь.

— Не пойму я тебя что-то, Тошка, — сказал Арся с досадой, — уж не ты ли Шкерту недавно плюху отвесил?

— Я, — сказал Антон, — я. И зря! Какая у нас, к черту, дружба будет, ежели мы сейчас кулаками махать начнем?

— Ох, и правильный ты, аж тошно становится...

— Баланду, что он такой, понять можно, — упрямо сказал Антон, — откуда ему другим быть: отец в тюрьме, а мать... и говорить не хочется.

— Нечего мне его понимать! — отрубил Арся. — И хватит меня воспитывать.

Димка молчал — его раздирали противоречия: он и сам не знал, на чьей он стороне — вроде бы оба парня правы, а вроде и не совсем.

— Я думаю, — сказал он нерешительно, — может, поговорить с ними по-хорошему...

— Вот и поговори, — насмешливо сказал Арся, потом внимательно посмотрел на Димку и улыбнулся: — А ты ничего, питерский, не укачался, хоть и совсем салага.

Димка и сам удивлялся себе — качка на него почти совсем не действовала, только немного посасывало в желудке. Похвала Арси была ему приятна, и он подумал, что тот все-таки хороший товарищ.

А перед Антоном он чувствовал какую-то вину и понимал, почему Антон стал относиться к нему суше: знал он про липовую справку, наверняка знал...

И тут произошло нечто неожиданное. К Арсе сзади подошел Карбас, взял его левой рукой за плечо, повернул к себе, а правой, широко размахнувшись, со всей силы ударил его по уху. Арся упал — рука у Кольки была, как оглобля. Он лежал на палубе и удивленно смотрел на Карбаса. Тот стоял над ним, нескладный, тощий, опустив руки, и челюсть у него тряслась. Потом он, махнув рукой, бросился на полубак и сел на кнехт, обхватив голову руками.

Арся поднялся, потер ухо и, ни слова не говоря, пошел к Карбасу.

— С ума он сошел, что ли? — оторопело спросил Димка.

— Арся, стой! — крикнул Антон и побежал за Арсей.

Он догнал его у самого трапа и схватил за плечо. Арся вырвался и сильно толкнул Антона в грудь.

— Эй! На спардеке! — раздался с мостика строгий окрик капитана Замятина. — Отставать!

— Есть «отставить», — сказал Арся и подошел к Кольке.

Колька сидел, не шелохнувшись.

— Не трону я его, не волнуйся, — сказал Арся, поворачиваясь к Антону.

Карбас еще крепче сжал голову и сморщился, словно собираясь заплакать.

— Ты что, сдурел? — заорал Димка на Карбаса. — Да за такие дела...

— Оставь, — прервал его Арся, — тут не с ним говорить надо...

— Баланда? — спросил Антон.

— Ага, — сказал Арся, — «американочка».

За обедом Людмила Сергеевна заметила, что ребята едят уж как-то слишком хмуро и сосредоточенно. «Что-то произошло между

ры. — Кто-то шевелится!

Антон встал из-за стола, заглянул под нары и, протянув туда руку, за шиворот выволок кого-то очень взъерошенного и помятого.

Все вскочили.

— Это еще что за явление? — удивленно спросила Людмила Сергеевна. — Кто такой?

— Б-борька Ма-малыгин! — заикаясь от изумления, проговорил Витя.

ними, — подумала она, но допытываться не хотела. — Надо будет — сами расскажут», — решила она, заметив, что на обеде нет Мишагина.

— А где Коля Мишагин? — спросила она у Арси. — Почему не обедает?

— А вы его спросите, — грубовато ответил Арся.

— Ну, что ж, — сказала она и встала, — пойду спрошу.

Но уйти ей не пришлось — ее остановил вопль Витьки Морошкина.

— Там! — вопил Витька, указывая на на-

— Что ты там делал? — строго спросила Людмила Сергеевна.

Борька только молча сопел и смотрел вниз.

— Прятался, — догадавшись, заверещал Витька, — его же мать не пустила.

— Так, — покачала головой Людмила Сергеевна, — ясно. Что ж, заяц, пойдем к начальнику.

Боря подтянул штаны и решительно зашагал за комиссаром.

— Людмила Сергеевна, — сказал Арся, — можно мы с Соколовым с вами пойдем?

— Зачем? — сухо спросила она, но, посмот-

рев на ребят, неожиданно согласилась. — Вы ведь его лучше знаете.

— Вот, полюбуйтесь, товарищ капитан, — проговорила Людмила Сергеевна, подталкивая вперед Борю. — Под нарами прятался.

— «Заяц»? А-а! Как на судно попал? — загремел Громов.

— Не скажу, — буркнул Боря, — попал и все.

— Ах так! — Громов ткнул пальцем в валившегося у его ног Шняку. — Мало мне этого, так теперь ты еще! Куда я тебя дену?

— За борт, — подсказал Арся.

— А вам что здесь надо?! — рявкнул Громов. — Адвокаты, што ль? А ну марш отсюда!

— Подождите, товарищ Громов, — сказала Людмила Сергеевна, — они знают нашего «зайца».

— Да из нашей школы он, — проговорил Арся, — Боря-маленький.

— Родители у тебя есть? — спросила Людмила Сергеевна.

— Есть, — выдохнул Боря. — Мать и четверо сестер.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — крикнула Людмила Сергеевна.

Боря стоял, потупившись.

— Они же там с ума сходят. Ты хоть записку-то оставил? — продолжала говорить Людмила Сергеевна. Вздыхнув, она взглянула на Громова. — Что же делать, Афанасий Григорьевич?

— С Замятиным надо потолковать, — отозвался Громов. — А вы, герои, ступайте пока. Разберемся.

Когда ребята вышли, Громов вдруг оглушительно захохотал.

— Ну, герои, ну, салаги, ну, черти морские! Навязали их на мою голову. Ладно, пошли к Замятину, — сказал он, пропуская Людмилу Сергеевну впереди себя. Однако капитан Замятин, несмотря на уговоры комиссара, наотрез отказался радировать о «зайце» в Архангельск.

— Обрати с собой заберу, — сказал он. — Но радировать не буду — запрещено! Имею право выходить в эфир только в самых неотложных случаях — немцы могут запеленговать и послать на нас авиацию. Радируем с Новой Земли. А сейчас уж как-нибудь сами решайте.

Тем временем в кубрике ребята обступили Борю.

— Во дела, — сказал Саня Пустошный, — как они со Шнякой, однако, на судно попали?

Боря упорно молчал, а Арся заметил, что Колька-Карбас, как только увидел Борю, куда-то сразу исчез. «Эге, тут дело нечисто».

КАПИТАН ЗАМЯТИН

Капитан Замятин всю ночь простоял на мостике. И ночь не ночь, и день не день — солнце круглые сутки торчит, как приклеенное, на

небе. Только дойдет до линии горизонта — и опять вверх пошло. Ладно еще, до Канина Носа можно было идти, прижимаясь к берегу — все же какая-никакая, а маскировка. А здесь, за Каниным — уже океан, Баренцево море. Он хорошо знал этот район и довести «Зубатку» до места мог бы, как говорят, с закрытыми глазами — каждую мель, каждую «кошку», каждый риф миновал бы спокойно, да еще в такую погоду. Но это тогда, до войны, когда не шныряли вокруг немецкие подлодки и эсминцы, не крутились в небе вражеские стервятники.

И на борту у него не рыба, а почти сто пятьдесят салажат — генеральный груз, как уберечь его от роковой встречи, которая на войне и случайна и не случайна? Им что? Им все интересно, для них это романтика, приключения, открытия... Спят вот сейчас всюю и сны, наверное, детские видят...

Он стоял на мостике, большой, голубоглазый, сжав плотно губы, и смотрел, смотрел до рези в глазах на море — такое знакомое и такое сейчас враждебное, на эту обманчиво ласковую лазурь, смотрел в небо с расплывчатой линией горизонта, и глухая тревога не отпускала его.

Похолодало. Уже Канин Нос ушел в далекую дымку; скоро на северо-востоке покажется плоский блин Колгуева острова с его рыжими низкими берегами. И под берега эти не пойдешь — полно мелей. Надо брать мористее, курсом почти на норд, а там и «Зубатка», и идущие за ней «Азимут» и «Авангард» будут видны как на ладони — что хочешь, то и делай. Ну, торчат на ходовом мостике «Зубатки» по обеим сторонам два вороненых ствола «дегтярей» — ручных пулеметов, да много ли ими сделаешь? Можно, конечно, и пострелять, можно и славировать, а как с этим «Азимутом» на ваере полавируешь? Да и вторая «деревяшка» тоже, почитай, беззащитна. Вот и думай, капитан!

Немного отлегло от сердца, когда быстро, как это часто здесь бывает, захмарило и небо покрылось ровной темно-серой пеленой. Все-таки для самолетов видимость похуже. Стало сыро и промозгло.

Замятин хотел было, оставив за себя штурмана, походить немного по судну, размяться, посмотреть, что и как, но только Замятин взялся за поручни трапа, как услышал звонкий прерывающийся голос вахтенного матроса-наблюдателя:

— Слева по носу два самолета!

«Ну, вот, — устало подумал капитан, — вот оно». Самолеты были еще далеко и рисовались, как мухи, ползущие по запотелому стеклу. Шли они навстречу, но, похоже, не на «Зубатку», а параллельным курсом.

— Тревогу давать, капитан? — спросил матрос.

— Погоди пока, — сказал Замятин, — не полоши ребят. А боцмана и Громова — ко мне. Штурман! К пулемету!

И тут, будто его звали, посыпался мелкий, но густой дождь — он сразу закрыл серой решеткой и горизонт, и небо, и приближавшиеся самолеты. «Ах, ты, дожжичек, дожжишко», — с облегчением подумал Замятин и, сняв фуражку, вытер вспотевший лоб.

Подошел боцман, за ним, побряхтывая, поднялся на мостик Громов.

— Ну как? — спросил Громов.

— Кажись, на этот раз пронесло, — ответил Замятин, — дожжишко помог. А не то бы...

— Чего они здесь рыщут? — проворчал Громов.

— Эх, Афанасий Григорьевич, чего я тебе то объяснять буду. Слышал небось, что сейчас в Архангельск большой конвой к нам пробивается?

— Слышал.

— Чего ж спрашиваешь?

— Со злости, — сказал Громов, — однако дале, капитан, что делать будем?

— Кабы знать, долго ли хмарь эта продержится, — задумчиво сказал Замятин.

— Вот дела, — засмеялся штурман Антуфьев, — всегда моряк на хорошую погоду молится, а тут, вишь, дождя просит.

И, как назло, только он сказал это, дождь сразу же прекратился и небо посветлело, стало белесым, и сквозь него тускло просвечивал шар солнца.

— Фу-ты, ну-ты! — в сердцах сказал Громов. — Ну, прямо сглазил!

— Сглазил не сглазил, а будем теперь, как вначале решили, ближе к Колгуеву прибиваться, — сказал Замятин, — ты эти места, Григорыч, не хуже меня знаешь, вот и помогай давай. — Он к чему-то прислушался. — Ну-ка, боцман, глянь, что там по левому борту цапнуло?

Боцман спустился с мостика и посмотрел за борт.

— Лыдина, товарищ капитан! — крикнул он.

— Одиночная?

— Да нет, еще имеются.

И действительно, льдины небольшие и по-крупнее, темные, изъеденные водой, стали появляться все чаще и чаще. Они тихо шуршали, проходя вдоль бортов. Хрустели, раскалываясь под форштевнем. И вскоре «Зубатка» уперлась в сплошное ледяное поле. Кромка его справа от носа судна уходила почти строго на юг, а слева широкой дугой поворачивала на северо-запад.

Замятин приказал застопорить машину, а одного из матросов послал в «воронье гнездо» на фок-мачту.

— Ищи разводья, — сказал он и, подумав, добавил: — Значит, так — огибать нам это поле не с руки: далеко в море заберем. А ежели разводья есть, ими и пойдем. Оно и ближе, да и безопасней. Глядите, лед-то какой!

Лед был сильно подтаявшим, ноздреватым, местами почти черным. Там и сям виднелись причудливые глыбы ропаков.

— И верно, — сказал Громов, — лед черный,

«Зубатка» — черная, да и разводья черные будут — маскировка хорошая, и подлодки сюда не сунутся.

— Есть разводья, — крикнул из «гнезда» матрос. — Широкие.

— Боцман! — сказал Замятин. — Подвахту наверх. Расставь впередсмотрящих. По два на борта с баграми — льдины отпихивать, одного на корму. Семафор на «Азимут» и «Авангард» — объяснить обстановку и чтобы в оба смотрели!

— Ребятишек пока не тревожь! — крикнул Громов.

— Чего это холодина такая? — спросил Арся. — Не иначе на полюс забрались. Пойду погляжу.

Он вылез из-под одеяла, поежился, влез в сапоги, накинул пальтишко и пошел к трапу. И в это время что-то сильно ударило в правый борт, судно вздрогнуло и слегка накренилось. Кто спал — сразу проснулся, кто не спал — вскочили с нар и столпились в проходах.

— Торпеда! — истошно заорал Витька Моршкин.

— Заткнись! — резко крикнул Антон. — Тихо вы все!

Но никто больше и не кричал. Все стояли молча, с расширенными от страха глазами. Арся и Антон выскочили на палубу. Прошло несколько длиннейших секунд. Потом сверху раздался веселый крик Арси:

— Эй, салаги, сдрейфили?! Лыдина это. Мы во льдах топам. Одевайтесь потеплее и айда наверх.

«Зубатка», такая на вид неуклюжая, лихо лавировала между серыми торосистыми льдинами, которые нет-нет да и проскрежешут злое, то по одному, то по другому борту, а какая-нибудь матерая старуха так толкнется в борт, что даже накренит судно. Небо прояснилось совсем, солнце светило ослепительно, но ото льдов дышало таким холодом, что в самый раз было посидеть у уютной домашней печки. И все-таки большинство ребят торчало на палубе — было интересно: начиналось настоящее северное плавание.

Замятин все так же стоял на мостике, крепко держась за планшир, и подавал отрывистые команды. Устал он, конечно, зверски и уже подумывал, что надо хоть часок отдохнуть, ведь все пока идет нормально. Хоть и медленно, но все же вперед движется его старушка. Вдруг «Зубатку» кто-то словно дернул за корму. Замятин не успел еще сообразить, что бы это могло быть, как к нему подбежал матрос с кормы.

— Товарищ капитан, — торопясь, но тихо заговорил он, — с «Азимута» передали, что в лыдину врезались. В трюм сразу вода пошла.

— Стоп. машина! — сказал Замятин. — Шлюпку на воду! Боцман со мной.

Шлюпка подошла к носу «Азимута», и Замятин попытался рассмотреть, каким местом напоролось судно. Но «Азимут» стоял впритык к огромной льдине и сплошное крошево изо льда мешало увидеть что-либо. Команда «Азимута» — всего-то шесть человек — стояла на носу.

— Что у тебя, Мехреньгин? — спросил Замятин шкипера.

— Правую скулу прорезало, Пал Петрович, — с досадой ответил шкипер, — два пояса обшивки метра на полтора-два пробило. Вода в трюме прет.

Раздумывать было некогда. Замятин прекрасно понимал, что если «Азимут» пойдет ко дну, экспедиция окажется в труднейшем положении. Во-первых, пропадет большая часть ценного и нужного груза, а во-вторых... во-вторых, не хотелось и думать, какое это может произвести впечатление на ребят — в самом почти начале пути... Надо было действовать немедленно и во что бы то ни стало попытаться спасти судно.

Со шкипером они осмотрели пробоину в трюме. Вода прибывала быстро.

Замятин вернулся на «Зубатку».

— Вот что, — сказал он Громову и Людмиле Сергеевне, — мне нужно человек двадцать крепких ребят. Как вы считаете, нужно им говорить? Или я возьму только команду.

— Нужно, — твердо сказала Людмила Сергеевна, — мы не обещали им увеселительной прогулки и должны им доверять.

— Спасибо, — сказал Замятин, — так я и думал. Соберите всех и объясните им все! Да побыстрее! — И он снова отправился на «Азимут».

ДИМА СОКОЛОВ

Так паршиво на душе у меня уже давно не было. Я лежал на своих нарах, укрывшись с головой. Болели руки и ноги, ломило спину и казалось — на всем теле не осталось живого места. Но не это было самое главное. Это все, в конце концов, прошло бы — не я один валялся на нарах после двенадцати часов адской работы. Хуже было другое — я действительно оказался ни к черту не годным...

Когда Громов и Людмила Сергеевна отбирали ребят для работы по спасению «Азимута», я тоже вылез вперед. Людмила Сергеевна с сомнением посмотрела на меня и отрицательно покачала головой, а Громов велел мне вернуться в строй. Я чуть не заревел от обиды. И тогда выступил Антон. Не знаю, зачем это понадобилось ему — сейчас я думаю, что он сделал это нарочно, чтобы лишний раз ткнуть меня носом — дескать, сумел «липой» пролезть в экспедицию, так вот и докажи на деле, что ты такое. А тогда я обрадовался, что Антон попросил за меня.

Громов посмотрел на Антона, потом на меня, чуть улыбнулся и сказал что-то тихо Людмиле Сергеевне.

— Ну, что ж, — сказала она, — пусть попробует. Справишься?

— Справлюсь! — заорал я, заметив, как Арся сердито зыркнул на Антона.

Справился! Еще как справился! Болван самоуверенный...

...В трюме «Азимута», когда мы туда прибыли, уже было почти по колено воды. Часть ребят сразу поставили к ручным помпам — откачивать воду за борт, другие, в том числе и я, получили приказ освободить от груза подходы к пробоине, другие на льду и на судне помогали капитану Замятину крепить к мачтам тали и закреплять их на льдине: нужно было этими таями накренить судно, чтобы обнажить снаружи прорезанную льдиной обшивку.

В трюме при свете трех «летучих мышей» работать было трудно и неудобно: мешала вода, ящики и бочки ерзали взад-вперед, мешки с солью были скользкими и за них никак было не ухватиться. Не знаю, случайно или по своему желанию, со мной в паре работал Арся.

Полчаса я еще что-то делал, а потом стал спотыкаться, падать, споткнувшись о какой-то ящик, разбил в кровь губу, руки онемели, рукавицы я потерял, и ладони были побиты и исцарапаны. Ну, может, и не полчаса, а немного больше, а может, и меньше — я быстро потерял счет времени и, наверное, только мешал Арсе, а не помогал. Но Арся ничего не говорил — только изредка подбадривал меня, а когда увидел, что мне уже совсем немоготу, слегка подтолкнул меня к какому-то ящику и тихо сказал:

— Посиди, отдохни маленько, потом воду качать пойдешь — там полегче.

Черта с два там было полегче! Да еще матрос, который руководил работами в трюме, поставил меня на помпу вместе с Баландой. Тот вначале покривился, потом ухмыльнулся — губошлепская морда, потом яростно принялся качать. Я пробовал действительно помогать ему, но Васька был выше и сильнее и получалось так, что я просто болтался, держась за свою рукоятку — вверх-вниз, вверх-вниз. И через некоторое время Баланда заорал:

— Чего мне этого слабака подсунули? Висит только на помпе, а его, как на качелях, качай! Карбас, начальник, заberi ты его от меня к чертовой бабушке.

Карбас подошел ко мне и виновато сказал:

— Ты, Дима, лучше на волю иди, может, там полегче работа есть.

И я, как побитая собачонка, кое-как выбрался из трюма на палубу. Пошатываясь, подошел к Замятину и спросил, что надо делать. Капитан внимательно посмотрел на меня и строго сказал:

— Пока отдохни, а там видно будет.

Я отупело присел на брезент. Внизу сипели и задыхались помпы, выплевывая из протяну-

тых за борт рукавов мутные струи воды, на льду копошились ребята и матросы из команды, укрепляя свободные концы талей. Работали все, а я сидел.

Из трюма высунулся потный и грязный Витька. Он посмотрел на меня, хрюкнул презрительно и сказал:

— Это тебе не черноморский курорт, это тебе север. Ну, сачкуй, сачкуй дальше!

Я молчал, да и что я мог ему ответить. Он вылез из трюма и присел рядом со мной. Подняв вверх указательный палец, он начал снова:

— Морошкин вам плох. Морошкин такой...

— Морошкин сякой, — продолжил спустившийся с мачты Славка-одессит. — Ты что тут про Черное море поминал? На том море тоже теперь не сладко. И там война идет. А ты тут загораешь, да еще и к человеку пристаешь.

— Я загораю?! — возмутился Витька.

— А ну, геть в трюм! — свирепо крикнул Славка. — А то живо у меня к акулам пойдешь!

— Ну, ты, ну, ты, — занял Морошка, но в трюм полез, а мне от такой Славкиной поддержки стало еще хуже. Я встал кое-как и спросил:

— Что делать-то?

— Пошли на лед, — сказал Славка и подержал меня за плечо, когда меня повело куда-то в сторону.

Он помог мне спуститься на лед с правого, притертого к льдине борта и подвел к матросу, который мешал какое-то варево в бензиновой бочке. Под бочкой горел жаркий огонь, от варева пахло смолой, дегтем и еще чем-то острым и пронзительным.

— Пускай пек мешает, — сказал он матросу.

— Лады, — сказал матрос и показал мне, как надо варить пек — смолистую массу для заварки щелей в корпусе судна, а сам ушел.

Эта работа была полегче, но все равно я чувствовал себя совершенно разбитым и пустым, как барабан. Я видел, как шкипер с «Азимута» и еще один матрос обтесывали доски, готовили паклю — и все это быстро, ловко, умело. Потом «Азимут» вдруг стал крениться на левый борт. Я вскрикнул.

— Не бойсь, — сказал мне Славка, — это его таями подтягивают. Гляди, сейчас пробоина покажется.

И верно — минут через десять из-под льда стал выползать израненный борт судна, а вскоре показалась и большая длинная рваная дыра. Я мешал пек, думал свою не очень-то веселую думу и наблюдал почти безразлично работу других.

Часа через три пробоина была тщательно заделана аккуратными деревянными заплатами, щели прошпаклеваны паклей и заварены тем самым осточертевшим мне пекотом. А потом судно медленно стало выравниваться и, наконец встав на ровный киль, слегка закачалось на черной воде разводья. Послышалось разноголосое «ур-ра»...

Когда на «Зубатке» капитан Замятин объявлял всем участникам спасательных работ благодарность, меня на палубе не было. Я уже лежал, спрятавшись под одеяло. Ко мне никто не подходил, и я был рад этому.

Мысли были невеселыми, и почему-то вспоминался Ленинград. Я не любил рассказывать о нем. Нет, не то что не любил, просто мне всегда было трудно вспоминать его и прекрасным — мирным, и суровым — блокадным. А вот теперь он стоял у меня перед глазами весь, и мирные картины мешались с военными. То я стоял на крыше нашего дома, лучи прожекторов прорезали темное небо, гулко хлопали разрывы зениток и визжали, покрывая кожу пупырышками, бомбы, а я обожженными руками сбрасывал вниз «зажигалки» — ведь это было! То я прозрачным, ясным днем гулял с сестренкой Катюшей по набережной, а на Неве стояли разукрашенные флагами расцвечивания корабли, а вечером нарядная и веселая толпа шумела на площадях и улицах. А потом опять Катюша — такая маленькая, худенькая, лежит на заснеженном, обледенелом тротуаре, и на виске у нее черная запекшаяся дырочка — след осколка. И дед — так и замерзший в своей квартире, потому что не хотел топить печку-временку своими замечательными книгами, а мебель он уже сжег давно.

И еще думал я о матери и об отце. И мне было стыдно перед ними. Я вспомнил, какой была мать там, на пристани, когда «Зубатка» уходила в свой рейс, и каким гордым был я, стоя на борту и снисходительно помахивая ей рукой. А отец... отец так и не пришел проводить меня и, наверное, был прав — не стоило провожать такого. И все-таки, понимая это, я думал о нем не очень-то хорошо: молодой еще, сильный, здоровый, а не на фронте. Ну, отличный работник, ну, делает важные дела, но все-таки не там, откуда привозят таких, как отец Антона, не там, где скитается по морям отец Арси... не там...

— Не задохнулся еще? — услышал я голос Громова.

Я молчал.

— А ну встать! — рявкнул вдруг старый капитан. — На вахту пора.

— Какую еще вахту? — недоверчиво спросил я.

— Впередсмотрящим. Морошкина сменить надо. Закоченел он совсем, а ты уже десять часов отлеживаешься. Марш! — и он ушел.

Я не знал, радоваться мне или плакать. Скорее, все-таки радоваться. Я попытался вскочить, но тут же сел снова — ноги не держали и все ныло и болело. «Ладно, слабак чертов, — сказал я себе, — встанешь и пойдешь! И, если над тобой кто-то смеяться будет, молча проглотишь и не вякнешь!»

И я вышел на палубу, прогнал трясущегося Морошкина и встал впередсмотрящим. И буду стоять так, что бы ни случилось: шторм, ураган, тайфун, айсберги и рифы...

ПРИБЫТИЕ

Караван шел чистой водой. В прозрачном воздухе уже хорошо были видны невысокие черные утесистые берега, полого поднимающиеся в глубь острова.

— Гусиная Земля, — сказал стоящий рядом с Димкой на носу вахтенный матрос, — Южный Нос обойдем, там миль сорок вдоль берега, а там уже и Малые Кармакулы рядом. — Он устоялся в какую-то точку в море. — Глянь-ка, что-то не пойму, чего это там?

Димка всмотрелся в направлении его вытянутой руки, и ему показалось, что он увидел плывущий им навстречу какой-то серый продолговатый предмет. У него захолонуло сердце, и он тихо сказал:

— Мина...

— Тихо. Гляди лучше, — строго сказал вахтенный.

Димка смотрел всюду и вскоре заметил еще несколько таких же предметов и каких-то других вещей, медленно покачивающихся на спокойных волнах.

— Тьфу, рацы мои глаза! — крикнул матрос. — Мешки это, мешки, ящик вон еще, доски, а вон там... смотри, там — спасательный круг это. Ну-ка быстро на мостик, доложи капитану, а то этот заснул, поди, в гнезде своем, — он посмотрел на фок-мачту, но там никого уже не было. Наверное, когда вышли изо льдов, капитан снял наблюдателя.

Когда Димка прибежал на мостик, капитан Замятин уже рассматривал в бинокль плывущие навстречу предметы, так что докладывать не пришлось. Заметили их и многие ребята. Замятин помрачнел.

— Такие дела, — сказал он медленно и скомандовал в переговорную трубку: — В машине! Самый малый вперед.

«Зубатка» шла совсем медленно, и матросы под командой боцмана баграми ловили и вытаскивали на палубу темно-серые промокшие мешки. Сам боцман, намотав на руку длинный тонкий трос — линь с грузом на конце, раскрутил его над головой и, как лассо, бросил в самую середину спасательного круга. Потом подтянул круг к борту и осторожно поднял на палубу. И вот он лежит около главного трюма, белый пополам с красным, и на блестящей глянцевой его поверхности написано большими черными латинскими буквами: «ЭЛЬ КАПИТАНО». ПАНАМА. Рядом лежат четыре серых плотно набитых мешка, а вокруг молча стоят моряки и ребята. И круг этот, и мешки, и полубогорелая доска, тоже вытасченная из воды — как свидетели чего-то такого страшного, о чем трудно даже думать. «Эль капитано». Панама.

— Далеко же ты заплыл, капитано, от своих родных мест, — задумчиво сказал Громов, — и гибель принял далеко, — и он снял фуражку.

Ребята тоже стащили с своих голов шап-

чонки и кепки. Было тихо, и казалось, даже чайки и те притихли.

Громов первым надел фуражку.

— А что в мешках, Павел Петрович? — спросила Людмила Сергеевна.

— Мука, думаю, — медленно ответил Замятин, — она когда в воду попадает, намокает только сверху. Такая корка образуется, а внутри она сухая. Семеныч, вскрой-ка один мешок, поглядим.

Боцман достал из-за голенища сапога большой нож и взрезал один из мешков. Там, действительно, сверху была плотная сероватая липкая корка, а под ней совсем сухая белая рассыпчатая мука.

— Муку в трюм, — сказал Замятин, — пересыпать в чистые бочки и поставить в камбуз к Нюше. Пригодится. Эх! — и, резко повернувшись, он ушел на мостик.

Все еще долго молчали. Каждый думал о чем-то своем, а все вместе, наверное, только сейчас поняли, что встретились с тем, что называется таким коротким и жестким словом — война. Плыв по морю корабль, плыв из солнечной страны, где растут бананы, проплыл тысячи миль и в бурю и в штиль, но нет его больше, нет! Потому что вынырнула из-под воды черная длинная металлическая акула, выплонула из своей пасти сигару-торпеду, пробурала торпеда воду — и грохот, огонь, смерть, ледяная вода, а затем только спасательный круг покачивался на волнах...

Димка увидел, как Арся, ссутулившись, медленно идет на корму. Он не пошел за ним. Он твердо знал, о чем Арся сейчас думает, и понимал, что не надо ему мешать.

Мальчишки медленно, нехотя спускались в кубрик. Димка снова пошел на нос, но его догнал Славка-одезит. Димка немного постоял со своим сменщиком, но говорить ни о чем не хотелось.

На комингсе трюма рядом сидели Громов и Людмила Сергеевна. Димка тоже присел на ступеньку трапа, ведущего с полубака. Комиссар и начальник о чем-то разговаривали, изредка поглядывая в его сторону. Димке почему-то показалось, что они говорят о нем, и говорят что-то не очень приятное — во всяком случае, вид у них был вроде бы озабоченный. «Ну и пусть, — подумал Димка. — Пусть говорят что хотят, я-то все равно здесь и никуда отсюда не денусь».

— Соколов, — окликнул его Афанасий Григорьевич, — чего не спишь? Али выспался за день-то?

Димка ничего не ответил и отправился в кубрик. Спускаясь по трапу, он услышал, как Людмила Сергеевна тихо сказала:

— Опять вы с ним так, Афанасий Григорьевич. Ведь нелегко парню, особенно если он все уже знает.

— Ничего, — ворчливо ответил Громов, — крепче будет.

«Вот и поговори с ним начистоту — такого наслышишься! — подумал Димка с обидой и

тут же его царапнула мысль: — А что, собственно, он должен знать? Что это сказала Людмила Сергеевна — «если он уже все знает»? Что знает? — Он хотел подняться наверх и прямо спросить, что она имела в виду, но не спросил — еще подумает: „Подслушивал”».

Он спустился в кубрик и лег спать.

Рано утром тринадцатого июля «Зубатка» уже обходила длинный, плоский, обрывистый и темный береговой выступ мыса Северный

дили на неприятные размышления. Судя по всему, этот несчастный «Эль капитано» был потоплен совсем недавно и неподалеку от этих мест, а поэтому вполне можно предполагать, что фашистские стервятники рыщут где-то поблизости. И под берегом здесь идти было нельзя. За мысом Северный Гусиный Нос берег резко поворачивал к востоку, а затем к северу, образуя широко распахнутый к морю залив Моллера. Побережье здесь особенно изрезано заливами, бухтами, губовинами, а сам залив Моллера прямо усеян островами и островками. Да, близко не подойдешь, не прижмешься к

Гусиный Нос. Шла она в шести-семи милях от мыса — ближе подходить было опасно: у берегов на приглубых банках пенились белые буруны.

После завтрака все ребята высыпали на палубу, толпились на полубаке, на корме, облепили бортовые леера... Вот она — Новая Земля! Кто знает, как она встретит их?

Погода по-прежнему была хорошей, в корму дул легкий бриз, волны шли невысоким накатом. Но капитана Замятина это не очень-то радовало. Недавние находки в море наво-

земле, как у Зимнего... А в такую погоду и «Зубатка», и «Азимут», и «Авангард» что с воздуха, что с воды видны, как черные жуки, медленно ползущие по блестящей зеленоватой поверхности. До становища было уже рукой подать, и случись сейчас что-нибудь, никогда не простит себе этого капитан. И хоть понимал Павел Петрович, что от него-то самого мало что зависит, все-таки скребло на сердце, хотя он усиленно отгонял от себя мрачные мысли. Да все равно, когда оглядывал он переполненную ребятами палубу, слышал их смех

и веселую разногласицу, тревогой и какой-то непонятной ему самому нежностью переполнялось сердце капитана. И, наверное, поэтому он не вздрогнул, когда с кормы донесся истошный крик — «за кормой самолет!».

— Все вниз! — властно скомандовал капитан. — Надеть спасательные пояса! Антуфьев и Ситникова ко мне на мостик! Вахте по месту стоять! Полный вперед!

А увидев, что ребята недоуменно смотрят на него, переглядываются и не торопятся выполнить его приказ, свирепо рявкнул:

— А ну, марш! Чтобы духу вашего на палубе не было! Вниз! — и невольно усмехнулся, заметив, как припустили мальчишки.

— Пулеметы к бою, — приказал он штурману Антуфьеву и матросу Ситникову, а поднявшимся на мостик Громову и Людмиле Сергеевне вежливо, но твердо сказал: — А вам бы лучше, товарищи, к ребятам сойти. Мы тут сами управимся.

Начальник и комиссар послушались сразу: здесь он, Замятин, главный.

— Не пойму что-то. «Юнкерсов» видел, «хейнкелей» видел, а такого не припомню. Посмотри, Антуфьев, может, узнаешь, — проговорил Замятин, передавая бинокль штурману.

Антуфьев взял бинокль.

«Зубатка» в это время уже обошла мыс и двигалась к северо-западу, пересекая залив Моллера. За кормой оставалась широкая губа Литке, а справа по носу виднелись островки, преграждающие вход в узкую и изрезанную губу Обседья.

Замятин приказал взять ближе к берегу — в случае чего хоть выброситься можно. «Азимут» послушно тащился на буксире, а «Авангард», тоже прибавив ход, шел точно в кильватере.

Штурман долго смотрел в бинокль, затем опустил его и неуверенно рассмеялся.

— Похоже, свой, Павел Петрович, — сказал он.

— Похоже или свой? — недовольно спросил Замятин.

Антуфьев опять притиснул к глазам бинокль — самолет уже был виден хорошо, и через некоторое время штурман облегченно воскликнул:

— Свой! «Каталина» это. Не иначе Илья Палыч летит.

— Какой еще Илья Палыч? — недоверчиво спросил Замятин.

— Да Мазурук же! Командир авиаотряда ледовой разведки. Я его «Каталинку» не раз видел.

— Каталинка каталинкой, а от пулеметов пока не отходить! — проворчал Замятин.

— Пусть ребята выйдут, — сказал капитан, когда двухмоторная летающая лодка прошла на небольшой высоте над самой «Зубаткой» и приветливо покачала крыльями, на которых четко виднелись красные звезды.

Тем временем «Зубатка» уже приблизилась к выходу из губы.

Антуфьев, внимательно разглядывающий в бинокль берег, вдруг опустил бинокль и слегка присвистнул.

— Глянь-ка, Пал Петрович, — сказал он, — коробка там какая-то в песок воткнулась.

Замятин взял бинокль и долго вглядывался в прибрежную полосу.

— Да-а, — протянул он, — судно, и не маленькое: тысяч на шесть водоизмещения потянет. Флага и вымпела нет. Значит, и людей нет. Ушли.

— Наверное, подлодка загнала, — предположил штурман.

— Пожалуй, — согласился капитан, продолжая смотреть в бинокль, — только вот чей он? Названия никак не разберу... А порт приписки... порт приписки... ага, вот... Бас... Бос... Бостон.

Сидевший на мели под прямым углом к берегу «американец» был уже хорошо виден и невооруженным глазом. Заметили его и ребята. Заметили и снова сразу зашумели, загалдели.

— Слышь-ко, штурман, пойдя да расскажи им что к чему, а то у меня от их галдежу уши завяли, — сказал Замятин, — а мы теперь возьмем мористее, от этих скал да камней подале. Скоро уж и у места будем.

В 12.00 тринадцатого июля «Зубатка» со своим караваном, обойдя с запада — так было безопасней — остров Кармакульский, прошла поморский фарватер и бросила якорь на нижней якорной стоянке в полутора кабельтовых от берега прямо против становища Малые Кармакулы.

И тогда только Павел Петрович Замятин сошел с мостика.

Продолжение следует.

БАРАНА

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Л. Каминского

Моя Родина —
СССР

Вместе со всей страной юнкоры «Барабана» отмечают славное 60-летие Советской Армии и Флота.

На пионерских сборах вы уже не раз знакомились с героической историей Советских Вооруженных Сил. Участвуя в «Зарнице», становились сильными, смелыми, ловкими.

«Барабан» рассказывает о дружбе пионерского отряда с пограничниками, о красных следопытах, об участии пионеров во всеобщей экспедиции по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

В нашей школе есть... пионерская застава. Правда, здесь не проходит граница, не отправляются в холодную черную ночь наряды. Застава пионерская, но есть у нее посыл. И свой номер. И то, что она пионерская, насколько не снижает ее авторитета у ребят, важности ее дел. Друзья пограничников помогают колхозникам убирать урожай. Посадили аллею Славы. Открыли

запомнили его пионеры, краеведы Ивановской детской туристской станции: — Это было на Курской дуге осенью сорок третьего. Наш саперный батальон, — вспоминал солдат, — получил приказ вернуться в тыл, разминировать деревню под названием Красная. Деревню сожгли фашисты, люди ютились в землянках. Выйти из землянки было страшно не только де-

шего командира, старшего лейтенанта Александрова, и нас спуститься в землянку. Минеры увидели в «классе» снарядные ящики вместо парт, самодельную классную доску. И на стене — карту Советского Союза.

Вера Васильевна рассказала о «хитрости» ребят. Бумаги ведь не было: старые газеты оставляли только для контрольных работ — писали на

Золотой значок ЦК ВЛКСМ получают лучшие из лучших участников Всесоюзной экспедиции советской молодежи «Моя Родина — СССР».

Награждена таким значком и Алла Рыжова, ученица 6-го класса школы № 14 города Нижний Тагил.

Рассказывает Алла Рыжова:

— У нас папа заядлый турист. Зовут его Евгений Михайлович, он — ветеран Великой Отечественной войны, преподает в техникуме. Студенты, по-моему, хорошо относятся к нему... Папа наш — следопыт. Он много лет ведет поиск со своими ребятами по местам боев Второго Гвардейского корпуса. Туда входили уральские наши дивизии...

Раньше только папа, мама и моя сестра Ирина — теперь она уже окончила школу — ходили в походы. Со второго класса стали брать в походы и меня.

Мы объехали весь Урал: побывали в Свердловске, Перми, Челябинске, Краснотуринске. Везде в первую очередь осматривали памятные места, знакомились с интересными людьми разных профессий.

После окончания четвертого класса в моей маршрутной книжке туристско-краеведа прибавились названия белорусских, эстонских, латвийских, литовских городов и сел. Плыли на пароходах, ехали на автобусах, торопились на поездах.

музей героев-пограничников в школе, дружат с сегодняшними войнами.

*Следопыты Речковской школы,
Сумская область,
Украинской ССР*

Вот какие события запечатлелись в памяти бывшего минера Е. Голованова. Он был тяжело ранен в одном из боев сурового 1943 года... Следы войны остались у него на всю жизнь: в результате ранения он потерял зрение.

Не смог ветеран приехать к ребятам на урок мужества, но прислал свой рассказ под названием «Школа на военном перекрестке». Наш корреспондент записал рассказ так, как

там: то тут, то там взрывались гитлеровские мины...

Минерам особенно хорошо известно, что значит спрятанные в земле мины. И вдруг из землянки выбегает мальчик.

Под мышкой сверток газет, какая-то обшарпанная фанерка. «Ты куда?» — тревожно спрашивают мальчугана. — «А у нас тут школа, — неожиданно бойко отвечает он солдатам. — Как прогнали фашистов, так и стали снова в школу ходить... А вот и Вера Васильевна, наша учительница».

В окружении таких же худеньких, заморенных ребяташек вышла из землянки девушка с комсомольским значком на выцветшем платье. Учительница пригласила на-

полях. Газет не хватало. Витя — мальчик, который встретился бойцам у землянки, предложил гвоздем на фанерке писать. Учительница поставила Вите за инициативу и за решение примера «отлично».

Со слезами на глазах рассказала Вера Васильевна о том, что пятнадцать ее учеников подорвались на минах, были тяжело ранены.

Самоотверженность учительницы-комсомолки и страстное желание пионеров военного времени учиться, запомнили молодому солдату Голованову. Запомнилось и то, что бумагу для писем и все карандаши, которые оказались с собой, тогда отдали ребятам.

Когда возвращаюсь, одноклассники спрашивают, что больше всего запомнилось из поездки. Могла бы рассказывать часами. И правда, до нового похода, на весь учебный год хватает рассказов. Всегда рассказываю и показываю фотографии. Фотографировать тоже в походах научилась.

Хорошо понимаю, что всем — и золотым своим значком тоже — обязана нашей дружной семье. Ведь мой значок — четвертый в нашем доме. Есть такой же у мамы, у папы и у сестренки.

Алла Рыкова с сестрой и родителями

НА КАТКЕ

Света Гутман, 9 лет, город Рязань

Заветная
записочка

БЕЛЫЙ СНЕГ

Белый снег!

Белый снег!
Я катаюсь лучше всех!
Через ямы и бугры
Я лечу с большой горы!
На салазках вниз лечу —
Перегнать я всех хочу!

Павлик Чернявский,
4-й класс,
Красноярский край

Мой старший брат — КОМСОМОЛ

Однажды я прочла в газете, что наши Кириши — «Сибирь под боком». Мне очень понравилось это название. И правда ведь: у нас строился гигантский электропромышленный комплекс. Он был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой.

Ровно пятнадцать лет назад здесь, на берегу реки Волхова, заложены были первые заводские корпуса, а теперь о Киришах знает вся страна. Теперь это красивый, современный город. А наша улица в память о первых строителях называется Пионерской. Пионер — значит, первый.

Наша школа стоит на улице Пионерской. Приятно выводить это название на конверте, когда пишут куда-нибудь...

В нашей школе есть музей истории комсомола. Многие экспонаты рассказывают и о сегодняшнем дне, о сегодняшних комсомольцах Киришей. Есть на одном стенде телеграмма — поздравление городу с высокой наградой — орденом Красного Знамени. Трудовая слава города и комсомольская слава. А на фотоснимках можно узнать комсомольцев, которые жили у нас, а теперь уехали строить БАМ, не хотят отставать от жизни.

Мы дружим с рабочими. На сборы приглашаем не только ветеранов, но и молодых рабочих, комсомольцев.

Людмила Потемкина,
председатель совета дружины школы № 1
города Кириши
Ленинградской области

Ветеран комсомола Узбекистана Жаннат опа Абдулкасымова вручает комсомольский билет восьмикласснице Матлуже Бадаловой

Фото Р. Альбекова

Два письма пришло в редакцию в один и тот же день. Оба из Ленинграда. Эти письма, по мнению «Барабана», подкашивают серьезную тему для разговора. Пожалуй, можно так определить эту тему: «Ты и твой двор». А ну-ка прочти эти письма и выскажи свое мнение о прочитанном. На конверте пиши так: «БАРАБАНУ», «Ты и твой двор» или «А у нас во дворе...»
Итак, вот эти письма.

«У нас такой большой дом, что даже два двора есть. Один мы называем «собачий» — для кошек и собак, грязный. В главном дворе — клумбы и детская площадка. Гуляют больше малыши, у кого есть братик — смотрят малышки, а так следят мамы. Чтобы красивее было во дворе, ребята сами ничего не делают, наоборот, даже ломают. Каждую весну приходят маляры из жилищной и красят малышей каталки — лошадок и зебру. Приходят, сажают цветы, которые потом сами по себе растут.

«Хотим рассказать о наших делах в отряде. Не первый год у нас работает ученическая «скорая помощь». Не только отстающим помогает, но и навещает больных.

В прошлом учебном году в отряде не было неуспевающих.

Большим успехом пользуются кружки «Юный химик», «Знай и люби родной язык», «Будущий физик».

ВОКРУГ БОЛЬШОГО БАРАБАНА

Во дворе находиться не хочется: беру велосипед и на улицу уезжаю. Да и другие во дворе стараются не бывать...

Илья Якубовский,
школа № 104,
Ленинград

«У нас во дворе есть все, о чем только можно мечтать! Настоящее хоккейное поле и маленькая площадка для тех, кто еще учится кататься на коньках, высокая горка и горка для малышей. Летом хоккейное поле превращается в футбольное,

— Бывает, живут ребята в одном доме и не дружат. Идут после уроков к одному классникам в другой дом. Мы всегда играем в своем. У нас интересно!

Корреспондент «Барабана» решил познакомиться с ребятами этого двора и расспросить, как они живут в своем доме, как дружат. Вот что рассказала Люба Трушкова:

на месте большой горки устанавливается теннисный стол. У нас живут дружные ребята. Приезжайте к нам, сами убедитесь!»
Саша Иванов
школа № 206
Ленинград

Как у вас во дворе? Кто хозяин? Как вы, пионеры, заботитесь о том, чтобы жизнь во дворе и в доме стала интереснее, а ребята вашего двора — дружнее?

ИЗ ПОЧТЫ „БАРАБАНА“

перь будем заниматься картофелем».

Наталья Корнева,
город Семипалатинск

«Мы решили устроить концерт художественной самодеятельности для ребятшек детского сада, который у нас во дворе. Мы очень волновались перед концертом, а когда начали петь, успокоились. Малыши сразу стали подпевать нам, после каждой песни дружно хлопали.

Людмила Манешкина
6-й класс, школа № 24
город Воложский
Волгоградской области

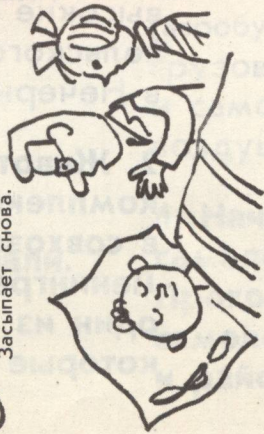
Вовино утро

По рассказу Любы Минаевой из Караганды написал стихотворение для «Веселой почты» Почтарик

Все у Вовы по часам.
Утро. Полвосьмого.
Вова ухо почесал,
Засыпает снова.

1

Восьмь. Дремлет, как сурок.
«Встань!» — кричит сестрица.
«Опоздаешь на урок», —
Вовин папа злится.

2

Восьмь тридцать. Входит мать:
«Что он, в самом деле!»
Ровно восемь сорок пять.
Вова встал с постели.

3

Весёлая почта

Отец:
— Почему ты не в школе?
Сын:
— А у нас в классе заболела де-
вочка и на нас наложили скарлатин.

Прислал
Витя М.,
город Череповец

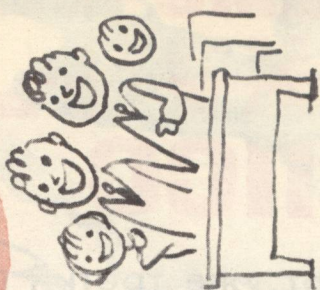

Учитель:
— Итак, Земля — круглая. Мог бы
ты, Саша, обойти ее кругом?
Ученик:
— Нет, не смогу, ботинки жмут.

Учитель:
— Что разводят в Казахстане?
Ученица:
— Скотоводство и... лошадеводство.
Тома Алейникова,
поселок Мергенево
Уральской области

Даа малыша иг-
рали. Один попро-
сил другого:
— Дай мотороллер покататься!
Только один маленький глоточек!
Галля Юсупова,
Кузнецк Пензенской области

Накидал в портфель пустой
Книжек в беспорядке.
Выбегает. Нет, постой!
Позабыл тетрадки,

Позабыл надеть носок,
Шарфик волочится...
В класс влетел. Звенит звонок,
Начали учиться.

6

С Вовы все не сводят глаз:
«Новенький, ребята!»...
Мчался он в четвертый класс,
А попал в девятый.

5

Полминуты — он одет.
В миг один умылся.
В две минуты пять котлет
Съел — не подавился.

4

Намечено XXV съездом КПСС

Вот уже третий год страна живет по плану, который наметили делегаты XXV съезда КПСС. Этот план называется «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

«Ввести в действие Камский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей».

1. Автомобили с маркой КамАЗа уже колесят по дорогам нашей страны.

«Обеспечить высокие темпы развития сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР».

2. Животноводческий комплекс в совхозе «Агротехника» Ленинградской области — один из многих комплексов, которые построены в Нечерноземье.

Рисунок Т. Капустиной

«Продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали и подходов к ней».

3. Бегут поезда по маршруту Тында — Беркамит, отрезку Байкало-Амурской магистрали.

«Начать эксплуатацию новых пассажирских самолетов «ИЛ-86» (аэробус), «ЯК-42», грузовых самолетов типа «ИЛ-76» и самолетов для местных воздушных линий».

4. Начались полеты самолетов «ЯК-42». Проходит испытания самолет «АН-28» для областных и районных линий.

КАК МОСТ НА ТРИ ЧАСТИ РАЗРЕЗАЛИ

Все мы преклоняемся перед храбростью. Любим кинокартины о смелых людях. С удовольствием читаем книги о героях шпаги и пистолета. Смотрим телефильмы о мужественных разведчиках и неустрашимых детективах. И восклицаем: вот она, храбрость! Ну что после этого можно сказать о неприметных конструкторах, что изо дня в день без всякой опасности для жизни рисуют на бумаге гаечки и винтики!! Где тут риск, где тут отвага!

А ведь она существует на свете, конструкторская смелость! Правда, не очень заметная. И нужны для нее опыт и знания, которые появляются не сразу.

Три года шла первая мировая война. Потом — две революции, потом четыре года войны гражданской. Не стало за это время старых инженеров на знаменитом петроградском Путиловском заводе. Кто бежал за границу, кто на фронте погиб, а кто умер от тифа и голода, двух тогдашних врагов страшнее пули и сабли.

Путиловцы в те годы побаивались техники, и неудивительно. Проектировали однажды гаубицу. Взяли трофейное

орудие фирмы «Шнейдер», разобрали на детали и аккуратно скопировали. Все было понятно, только никто не мог сообразить: зачем нужны две длинные тяги? Решили: «Намудрили тут иностранцы! Давайте выбросим!» И выбросили тяги — удержники наката.

Повезли свое дитяtko на полигон. Выстрелили. Снаряд полетел в цель, ствол откатился назад, потом поехал по ползкам люльки вперед. Удержников нет — и ствол полетел вслед за снарядом... Весь завод покатывался: «Вот сделали орудие конструкторы! Не только снарядом, еще и стволом стреляет!»

Начал завод делать тракторы «Красный путиловец». Способ был единственно возможный. У американского миллионера купили чертежи трактора «Фордзон». Купили и несколько готовых тракторов для образца. При тогдашней нашей бедности многое делалось на одном энтузиазме. Настоящий был подвиг.

Прошло двадцать лет. Кончилась Великая Отечественная война. Пока она шла, было не до тракторов. Завод делал танки. Вот и получилось, что первые мощные тракторы появились в Америке. Нам пришлось американцев догонять.

Анатолий Михайлович Александров и я проектировали для «Кировца» ведущий мост. Это то, на чем трактор ездит: два колеса и балка между ними.

Рабочее место конструктора невелико. Конструктор думает, сидя на стуле, а частенько и на столе. Так удобнее, видно всю чертежную доску. Она стоит вертикально на специальном станке и может подниматься и наклоняться — ведь чертежи иногда метра полтора в высоту и метра три-четыре в длину.

Самым ясным местом нашего ведущего моста оказались колеса. Ярославский завод прислал нам точные чертежи будущих шин трактора. Мы нарисовали их. Расстояние между шинами, колея трактора, тоже было известно. Его определили сами пахари. Ширина колеи должна была быть такой, чтобы трактор не наезжал на уже вспаханную полосу. Потом мы начертили раму трактора. И здесь мы не были вольными рисовальщиками.

Карданные валы мы взяли готовые, с минских тяжелых грузовиков.

Когда мы нарисовали все, что было известно, оказалось, что свободного места осталось чуть-чуть. Тут-то и началась настоящая конструкторская работа.

На оставшемся пятачке надо было разместить примерно полторы сотни мелких и крупных деталей. Разместить так, чтобы они не врезались друг в друга, выглядели приятно для глаз и не сломались бы на первом километре.

Хороший узел — это такой, который работает не только на сегодняшней машине. Хороший узел переживает несколько машин. Наш мост, например, работал на К-700 и работает сейчас на К-701. А мощность К-701 в полтора раза больше. И, может, этот мост поставят на какой-нибудь К-711, еще более мощный?!

Нашим ведущим мостом занимался технолог, который

еще в грозные годы войны налаживал производство танков. За это время можно было многому научиться. В том числе и смелости в обращении с техникой. И, разрабатывая нашу конструкцию, додумались мы до многих новых решений.

Сателлиты, небольшие шестереночки внутри колес, закрепили на осях так, как раньше никто не делал. Зато обработка деталей стала раз в пять проще.

Поставили новые подшипники и выбросили регулировку.

А под конец смотрели-смотрели на готовый уже чертеж, взяли и ... разрезали весь мост на три отдельные части.

Собирать его стало намного проще — каждая часть в три раза легче. И детали получились не «правые» и «левые» — например, «барабан тормоза правый» и «барабан тормоза левый», а такие, что годятся на обе стороны трактора.

Так ведущий мост, который мы спроектировали заново, получился простым и надежным. И самыми удачными местами узла оказались те, где была нами проявлена смелость, где не повторялись известные конструкции. Техника боязливых не любит.

А. САФОНОВ

Конструктор объединения
«Кировский завод»

В ПОЛЕ ВЕТРЫ ЗАСВИСТЕЛИ

*В поле ветры засвистели...
На морозе закрипели,
Застонали ели.*

*Серебристо полетели
В феврале метели.*

*На полях — бело,
На лугах — бело.
А в еловом колком лесе
На все стороны светло!*

*И летят, летят метели —
Кувыркаются.
По лугам и полям —
Расстилаются!*

*А огонь в печи
Жарко дышит в кирпичи —
Распалается!*

*Пусть шатают лес ветра,
Пусть берез хрустит кора,
Метель — взвилась!
Но зато в тиши двора
Наша снежная гора
Детским хохотом с утра
Огласилась!*

Геннадий МОРОЗОВ

Рисунок С. Качоровского

ГЛАВНЫЙ

Когда я получил задание в редакции — написать, как ребята участвуют в жизни нашей страны, то сначала хотел пойти на праздник в какую-нибудь замечательную школу. Там ребята в пионерской форме с барабанами и горнами будут рапортовать о своих достижениях.

Но потом я подумал, а почему обязательно писать о празднике? Ведь не было бы будней — не было бы и праздничного веселья. Ведь праздник — это как пятерка за хорошо выполненное задание, за трудную и честную работу.

Так, может быть, написать о буднях? Каждый будний день — серенький, незаметный, как капля в море, но не было бы капли, не было бы и моря!

И решил я пойти в обыкновенную школу, где учатся обыкновенные ребята, в один из обычных будних дней. Пошел я в 190-ю школу Ленинграда.

ДЕНЬ БЫЛ ОБЫКНОВЕННЫЙ

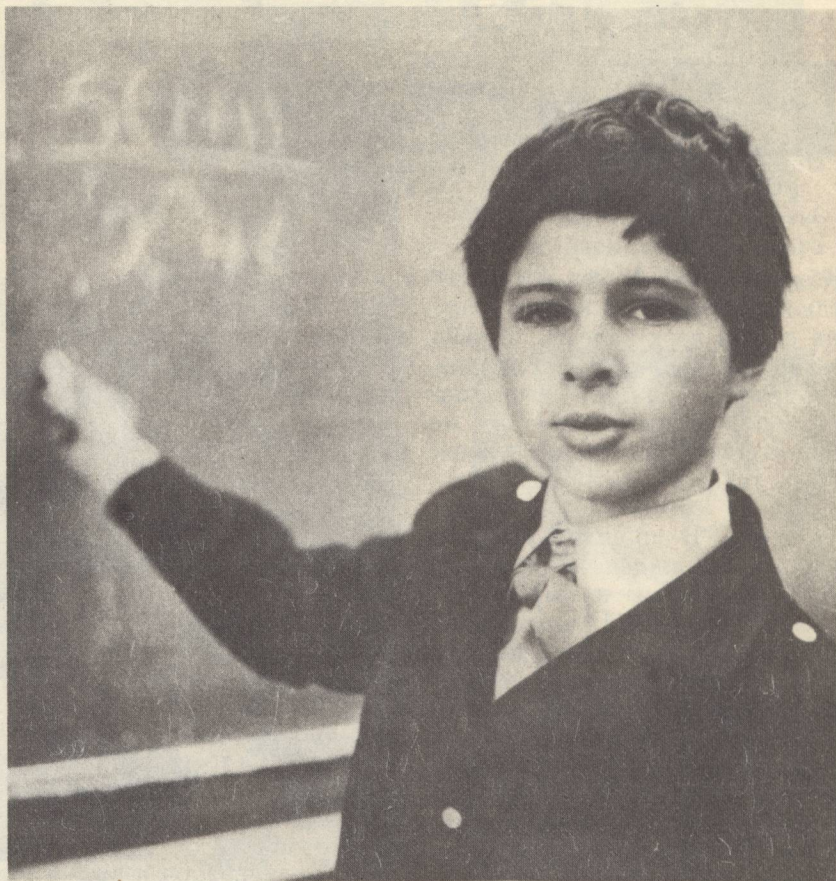
Это старая школа. Обыкновенная школа. Таких школ тысячи. Нет в ней обучающихся автоматов, нет в ней экспериментальных классов со сверхусложненной программой. Каж-

СЕКРЕТ БУДНЕЙ

дый день звенит звонок, и каждый день десятки мальчишек в этой школе садятся за парты, совершенно так же, как их сверстники по всей нашей стране. Тихо становится в школьных коридорах, и только из классов раздаются голоса учителей и ребят. «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела...» — читает басню серьезный первоклассник. Дверь приоткрыта, постоял я, послушал. Давно ли этот мальчик переступил порог школы, давно ли впервые в жизни открыл букварь? Недавно, всего четыре месяца назад! А сейчас — смотрите, как читает свободно:

«Ах, ты пела — это дело, так пойдешь же попляши!»

Длинная басня, а всю выучил и с выражением прочитал. Молодец. Задание на дом: два столбика примеров и две строчки упражнения — всего две строчки. Сегодня две строчки, завтра две, глядишь — и тетрадь исписана. А писать стал быстрее, красивее и без ошибок, если, конечно, ты не попрыгунья-стрекоза.

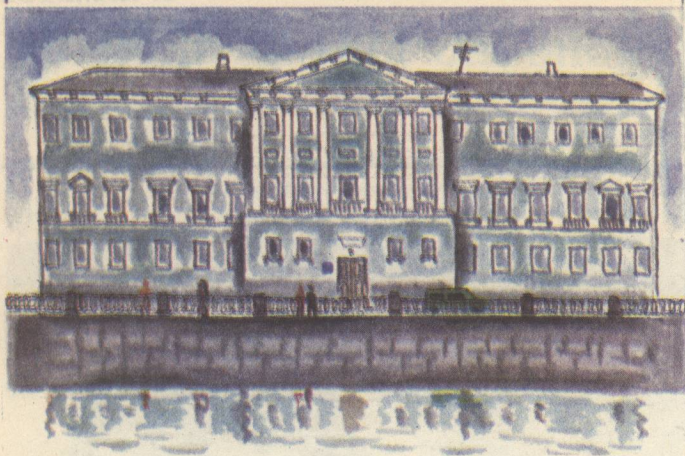

Алеша Селютин

НЕНУЖНЫХ УРОКОВ НЕТ!

— Мой самый нелюбимый урок — физкультура, — сказал ученик третьего класса, — то есть был нелюбимый. Потому что я физически неразвит. Мне на физкультуре трудно. Я в первом классе как увидел, что все ребята сильнее и ловчее меня, решил на физкультуру не ходить! А потом думаю, как же так? Все будут сильными, а я нет. Еще наша школьная медсестра говорит, что я стал сутулиться. Это значит, никогда я не буду моряком! И я как начал заниматься физкультурой! И зарядку по утрам делаю!

Каждый день! И вот я уже не такой слабый и по канату могу на самый верх залезть. Только медленно, конечно. Главное, заниматься каждый день, постоянно. А фамилию мою не пишите: вот я сдам на значок ГТО, тогда — пожалуйста.

Алеша Селютин — семиклассник. В прошлом году он был награжден дипломом третьей степени на математической городской олимпиаде.

— Конечно, есть уроки любимые и нелюбимые, — говорит он, — но это не значит, что нелюбимые уроки ненужные. Я вот зоологию не люблю... Ну и что? Все равно у меня по зоологии пятерка. И еще я заметил, что если перестанешь учить уроки, то очень скоро самый любимый предмет становится нелюбимым и наоборот, начинаешь вникать и заниматься серьезно — смотришь, учиться стало интереснее.

УЧАСТВУЕМ В ЖИЗНИ СТРАНЫ

Тут я рассказал Алеше, как в этом году познакомился с одним английским школьником, и на мой вопрос, как ребята участвуют в жизни страны, он ответил:

— Никак! Жизнь страны — это жизнь для взрослых. Школьников это не касается, это не наше дело...

— Неправду он сказал, — Алеша говорит медленно, думает над каждым словом. — Он хочет «не участвовать», но

так не бывает. Просто там кому-то выгодно, чтобы школьники сидели и помалкивали и не имели собственного мнения

ни о чем. Конечно, он может делать многое из того, что могут взрослые, но может это делать по-своему.

— Ну, например, а как у вас в классе?..

— Да очень просто! — улыбнулся мальчишка. — В стране пятилетка качества. И у нас тоже. Объем знаний тот же, потому что учебник больше не стал, а вот знания крепче. Вот и пятилетка качества.

— Это ты сейчас придумал?

— Ну да, сейчас! — Алеша даже обиделся. — У нас целых два сбора были этому посвящены. Так что скажите вашему англичанину, что он участвует в жизни страны, только несознательно, а мы — сознательно. Вот.

САДИК ЗА ФОНТАНКОЙ

Надя Большакова из седьмого «а» нашего с Алешей разговора не слышала, но когда

стала рассказывать о трудовых делах пионеров, словно на вопрос ответила, как ребята участвуют в жизни страны.

— Сейчас какая задача номер один? Охрана природы и

Алла Борецкая

окужающей среды! А наша Инженерном замке, а еще Лет- школа в центре города. У нас никакой окружающей среды вроде бы нет. И природы нет. Это мы сначала так думали! А потом Наташа Вахрина говорит: «Как это нет природы? А Фонтанка под окнами течет! А за Фонтанкой садик при

и Инженерном сад. Вот если их охранять, так это будет не только охрана природы, но и охрана культурных ценностей. Мы вообще-то все время в Инженерном садике работаем, каждое лето и весну. Но теперь решили, что и зимой будем охранять, чтобы

деревья не ломали и траву не вытаптывали. Мы же там всегда играем, и даже в окошки нашей школы садик видно.

А мальчишки, — зашептала она заговорщицки, — хотят санитарный пост на Фонтанке установить, чтобы следить, не загрязнена ли вода? Дело это не сложное, только делать его нужно каждый день... Всегда».

...И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Алла Борецкая из третьего «а» человек не очень разговорчивый, да и дел у нее по

горло. Само собой, уроки нужно учить. А еще она отстающим помогает. Уже второй год.

— А может, он учиться ленился? — задал я вопрос с подвохом.

— Нет! — прошептала Алла и покраснела так, что даже конопушки на лице у нее стали не видны. — Ему трудно. Он к школе был плохо подготовлен. А сейчас уже лучше занимается, а к четвертому классу совсем выправится. Потому что он не лентяй.

— А как его зовут?

Алла покосилась на мою записную книжку и твердо ответила:

— Не скажу! А то еще над ним смеяться будут.

И я поторопился перевести разговор на другую тему.

— Часто вы занимаетесь?

— Каждый день! Каждый день нужно. Иначе все запустишь. Каждый день хоть по немножечку...

И семиклассник, и третьеклассница один и тот же секрет знают. Главный секрет будней — постоянство.

Каждый день и каждый час ребята поднимаются по крутой лестнице знаний. Каждый день садятся они за парты, как рабочие становятся к станку, как ученые садятся за приборы, а крестьяне выходят в поле. Каждый день вся страна от мала до велика принимается за труд, каждый и все вместе.

По капле копится сладкий мед в ульях, по буквам учится читать человек, с маленьких незаметных поступков начинаются великие дела, с кирпичей начинаются великие стройки.

И праздники наши начинаются с будней. Обыкновенных, незаметных дней, которые похожи один на другой, но в каждом из них таится будущий праздник.

Рисунки К. Почтенной
Фото И. Колтуна

Я РАСЧИЩАЮ ПУТЬ ВЕСНЕ

Я расчищаю путь весне,
Я тороплюсь, ребята:
Последний снег, последний снег
Сгребаю я лопатой.
Работы хватит допоздна,
Вот будет вам потеха:
Вы представляете, зима
Останется без снега!
Ударит солнца яркий свет,
Ручьи во двор примчатся,
А если снега больше нет,
Пора зиме прощаться.
Я расчищаю путь весне,
Я тороплюсь, ребята.
Последний снег, последний снег
Сгребаю я лопатой!

В. ШУМИЛИН

Навстречу
XI Всемирному
фестивалю
молодежи
и студентов

„ГЛОБУС“ ИЗ КУЗНЕЦКА

Есть в школе № 16 города Кузнецка Пензенской области Клуб интернациональной дружбы, который так и называется — «Глобус». Работа «Глобуса» отмечена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и Почетной медалью Союза свободной немецкой молодежи.

...Несколько лет назад восьмиклассники прочли в газете «Троммель» («Барабан») адрес школы из Германской Демократической Республики. Почему именно этой страной заинтересовались кидовцы? Им хотелось с помощью пионеров-тельманцев побольше узнать о жизни вождя немецкого рабочего класса Эрнста Тельмана. Ребята задумали провести в школе торжественный вечер памяти этого героя-антифашиста.

На каждое письмо ребята получили ответ. Завязалась переписка и со взрослыми — с людьми, которые знали Тельмана. С большим интересом и уважением отнеслись ребята к автору книги о Тельмане профессору Бартелю. Он тоже прислал им письмо, подарил свою книгу, прислал и воспоминания о Тельмане. Ведь в годы войны этот замечательный человек был председателем интернационального комитета концлагеря Бухенвальд. Дружба с соратником Тельмана, его рассказы помогли кидовцам остро ощутить ненависть к фашизму.

Вечер памяти прошел, но поиск юных антифашистов продолжался. Сначала один пионерский отряд, потом другой, потом еще и еще... Вся пионерская дружина включилась в интернациональную работу.

В Москве, Ленинграде, Воронеже, Киеве, Братске знают «Глобус», откликаются на просьбы ребят. Важные материалы получили кидовцы из Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина: о посещении Тельманом Советского Союза, о его встречах с Владимиром Ильичем Лениным.

Однажды кидовцы получили приглашение приехать в гости к своим постоянным корреспондентам — ученикам школы имени Тельмана в Берлине. Восемь дней провели делегаты КИДа в гостях. Впечатлений хватит на всю жизнь! Кидовцы привезли запись рассказов о борьбе немецких антифашистов

Экскурсия по музею

Кидовец Алеша Агапов принимал участие в кроссе немецких ребят

в годы второй мировой войны, фильм о поездке, новые экспонаты для школьного музея.

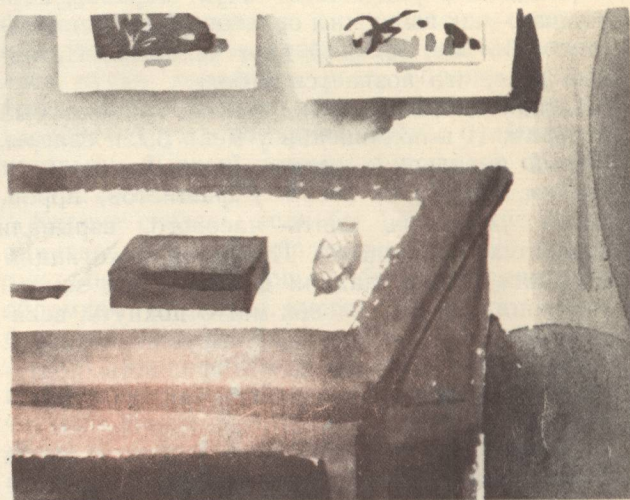
Активно готовятся в КИДе к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Идет переписка с кубинскими пионерами, создается выставка «Мы советской страны пионеры». От президента КИДа редакция узнала, что во всех пионерских отрядах изучают историю Всемирных фестивалей молодежи и студентов.

И. ЛОМАКИНА,
фото автора

КОРОБОЧКА В МУЗЕЕ

РАССКАЗ

Николай ГРИГОРЬЕВ

Стояли мы на позиции под Ленинградом. Был 1942 год. Жили, зарывшись в землю, и зорко наблюдали за тем, что происходит у фашистов. Время от времени из-под какого-нибудь кустика на нашей стороне раздавался винтовочный выстрел. Если успеешь вскинуть бинокль — заметишь, как кувырнется с пробитой головой зазевавшийся фашист. Наши ребята-снайперы били без промаха.

А в общем на позиции было тихо. Почти год назад немецкие захватчики пытались приступом взять Ленинград. Не вышло. После этого они засели вокруг города, настроив себе укрепления из железа и бетона.

Все мы, защищавшие Ленинград, только о том и думали, как бы проломить эти укрепления и освободить город от блокады. Но нам говорили: «Не горячитесь. Всеу свое время. Побьем и здесь захватчиков, как уже начали бить на других фронтах. А пока — глаз не спускать с врага!»

Блокада продолжалась — но уже пошли трамваи, которые зимой стояли замороженные.

В скверах и парках стали появляться дети, — тихие, ослабевшие за зиму. Иных девочек и мальчиков воспитательницы выводили под руки, чтобы только погрелись бедняжки на солнышке.

А огороды! После голодной зимы все городские пустыри были засажены овощами. Изменились сады. Ленинградцы любят цветы. Но на клумбах теперь, вместо тюльпанов и нарциссов, зазеленели перья лука, укроп, петрушка, выпустил усики горох, закустилась картошка.

Идешь по улице и следишь за собой, как бы ненароком не оступиться, не примять посадку: рядом с асфальтом тротуара тянутся к солнцу зеленые кудряшки морковки... Повсюду огороды: даже висячие — на балконах домов.

Глядишь и радуешься: «Лук, морковь, картошка — как вы нужны ослабевшим ленинградцам!» Вот он, зеленый друг человека. Истинный друг, что познается в беде!

Однако пора сказать, что на войне я был сапером. И в подчинении у меня были саперы. Целый батальон саперов. Люди мы ночные: ставим мины под носом у фашистов; порой, когда удавалось снять часового, взрывали фашистские блиндажи. Помогали пехотинцам отрывать окопы, ладили для них под землей убежища, где бы человек мог отдохнуть, вскипятить чайник, в непогоду высушить одежду.

И вдруг тревожная весть: фашисты подтягивают к Ленинграду свежие танковые дивизии.

Танки!.. Значит, все-таки надеются взять Ленинград! Наши войска усилили бдительность. Стали готовиться к отражению штурма.

Преград против танков, конечно, было немало: в местах, где вражеские танки могли прорваться, заранее созданы минные поля, расставлены надолбы — каменные столбы, заложены фугасы... Но разве можно не тревожиться: ведь за нами Ленинград! Все ли сделано для его безопасности?

Я собрал саперов и сказал:

— Товарищи, добавим в преграды чего-нибудь нового, особо неожиданного для врага. Наш саперный батальон должен стать батальоном изобретателей!

Каждому выдал по листку бумаги: «Рисуй, считай, думай!» И придумали саперы новые преграды и ловушки, которые мы тут же применили к делу.

Был у нас в батальоне лейтенант Лапшин. В годах уже. Из ополченцев он. Чистой бумаги не взял.

— Мне бы старых газет пачечку, — говорит.

Дали Лапшину газет. Нашел он укромный уголок, закрылся от всех.

День прошел или два. Гляжу, Лапшин стоит перед кучей битого кирпича. «Вот, — думаю, — чудак. Мусор, что ли, его заинтересовал...»

— О чем, — спрашиваю, — задумался, Александр Васильевич? Поделились бы мыслями.

Лейтенант живо обернулся, козырнул, как

полагается, мне, командиру, и доброе, открытое лицо его вдруг стало хитрющим. Глаза спрятались в щелочки.

— А я, товарищ командир, загадку для вас приготовил. Поспорим, что не отгадаете!

— Любопытно, — говорю. — А если отгадаю?

Лапшин притронулся к своей кобуре на поясе и сказал уже без улыбки:

— В таком случае вручаю вам свой пистолет и добровольно отправляюсь на гауптвахту — в наказание за негодную работу в условиях военного времени!

Видю, человек не зря таился от всех нас, сочиняя свою загадку. Однако что же он придумал?

— Вот куча кирпича, — кивнул Лапшин перед собой. — Как видите, и целые, и облом-

ки. Но не все кирпичи здесь настоящие. Один сделан мною... Угадайте, который?

Я окинул взглядом кучу, но ничего особенного не приметил. После этого стал всматриваться в каждый кирпич по отдельности. Никаких различий! Все красные, с пятнами от ста-

Рисунок И. Латинского

рости, с выбоинами от взрыва, иные со следами известки, покрывающей рухнувшую стену...

Чувствую, я уже проиграл пари.

Лейтенант усмехнулся и предложил:

— Быть может, товарищ командир, на ощупь угадаете?

Сконфуженный, я присел перед кучей на корточки и принялся перекладывать кирпич за кирпичом с места на место...

— Вот он! Легкий, как пустая коробочка...

Я держал на ладони изделие лейтенанта,

разглядывал со всех сторон и снова и снова поражался натуральности этой штучки.

— Александр Васильевич, да откуда же у вас такое умение? А краски — надо же так подобрать краски!

Тут Лапшин напомнил мне, что пошел на войну с Ленфильма, а там был декоратором. И посвятил меня в свой боевой замысел.

На участке фронта, где в обороне стоял наш батальон, вражеские танки не везде могли прорваться к Ленинграду. Не всюду местность, как выражались мы на военном языке, была доступна. Но очень опасными для нас были долины в районе кирпичных заводов у города Колпино.

Старые заводы действовали давно, и еще до войны дороги, от них ведущие, отличались от других. И в колее, и по сторонам дорог было много утерянных и раздавленных кирпичей. Вместе с битым кирпичом повсюду валялись куски каменного угля, оброненные небрежными шоферами при доставке на заводы топлива. А уже во время войны булыжники, которыми были вымощены дороги, от обстрелов разлетались далеко по сторонам...

Короче сказать, если бы фашистские танки ринулись с этого направления на Ленинград, они обязательно пошли бы гусеницами по обломкам кирпича, кускам каменного угля, булыжникам.

— А мы подбросим туда, — сказал Лапшин, — своих коробочек, начиненных взрывчаткой. Много и не надо — сотню, другую. «Бух! бух! бух!...» Фашисты в танках опешат: «Что это? Танки взрываются на кирпичах? Но этих большевистских кирпичей здесь рассыпаны миллионы... Хальт, стой, цурюк!...» Замешательство — а нам это на руку: когда вражеские танки теряют ход и начинают метаться из стороны в сторону — их отлично расстреливает артиллерия!

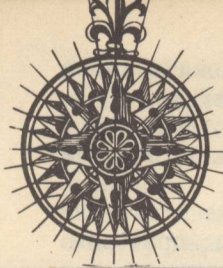
После этого Лапшин подвел меня к кучке отливших синевой кусков каменного угля. И опять я не угадал, которая тут искусная подделка. Выиграл декоратор пари и около кучи булыжников.

Прошло лето 1942 года, а штурм так и не было. Даже собрав силы, гитлеровцы убоялись штурмовать Ленинград.

А в январе защитники Ленинграда вместе с бойцами Волховского фронта с такой неожиданной для врага силой ударили по кольцу блокады, что оно треснуло.

Так что коробочки Лапшина нашему батальону в дело пустить не пришлось. Но потрудились он не напрасно: изобретение это пригодилось партизанам в тылу врага. И Лапшин был награжден за него орденом Красной Звезды.

Нет уже в живых Александра Васильевича Лапшина. Но в Ленинграде, в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи под стеклом можно увидеть картонажи Лапшина в виде угля и кирпича, а также и другие изобретения патриота, рожденные любовью к Советской родине.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 22-й

ДВА ФЛАГШТОКА

В сороковых годах нашего века далеко на севере, на острове Рудольфа нашли деревянный шест — флагшток. На шесте — медная муфта, на меди — надпись: «Sedov Pol. Exped. 1914» — «Полярная экспедиция Седова»...

Это было место, где матросы похоронили бесстрашного полярного исследователя. Седов не смог дойти до Северного полюса, он умер в дороге... Здесь же отыскивали и обрывки флага.

МАЛЕНЬКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЕДОКОЛЬНОГО ФЛОТА НА ПОЧТОВЫХ МАРКАХ

1. Пароход-ледокол «Пайлот». 1864 год. Русский купец Бритнев был человек дальновидный. «Товары, — думал он, — лежат на кронштадтских складах всю зиму, пока не сойдет лед на заливе... А не разломать ли его крепким пароходом?»

«Пайлот» еще не был ледоколом, скорее, это был «ледолом». Он вползал на лед носом и ломал его своей тяжестью...

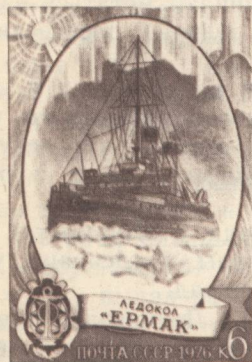
2. Ледокол «Ермак». Первый в мире. Проектировал «Ермак» знаменитый русский флотоводец, адмирал Степан Осипович Макаров. Ледокол был построен в 1899 году и трудился на севере более полувека. На «Ермаке» адмирал Макаров сделал попытку пройти к Северному полюсу. Но это оказалось ледоколу не под силу.

3. Ледорез «Ф. Литке». Год постройки — 1909. Ледорез был награжден орденом Трудового Красного Знамени за опасный рейс к острову Врангеля, когда потребовалось срочно вывезти с полярной станции людей. В 1930 году «Ф. Литке» впервые в истории прошел по Северному Морскому пути из Владивостока в Мурманск.

4. Ледокол «Владимир Ильич». В тридцатых годах пробивал путь караванам судов в Северном Ледовитом океане. Для тех лет это был настоящий подвиг.

5. Ледокол «Красин». Стал известен всему миру после спасения участников экспедиции Умберто Нобиле к Северному полюсу на дирижабле «Италия» в 1928 году.

Ю. СТУДЕНЦОВ

Флагшток отвезли в музей...

Прошли годы. Самый могучий в мире советский атомный ледокол «Арктика» готовился покорить полюс.

И вот в музей пришли моряки с «Арктики». Они осторожно открыли стекло витрины. Бережно достали флаг Седова. «Арктика» вышла в море.

Мощные машины толкали ледокол вперед. Скрипел и ломался лед. За кормой в разломах дымилась черная вода.

На восьмой день плавания ледокол подошел к Северному полюсу.

Полярная звезда, по которой люди тысячи лет узнают дорогу к северу, горела здесь над самой голо-

вой. Отсюда на север плыть нельзя, отсюда все дороги — только на юг...

«Арктика» остановилась. «Полюс!» — сказал капитан. Люди сбежали на лед. Они очень радовались: ведь «Арктика» была первым в мире надводным кораблем, который своим ходом пришел на полюс. В небо полетели разноцветные ракеты...

Через несколько часов ледокол двинулся в обратный путь. А на льдине остались два флагштока. На одном — наш советский, красный флаг. А рядом — флагшток из музея, тот самый, что Седов не смог донести до Северного полюса...

С. ЮРЬЕВ

ЧТО ТАМ, НА ПОЛЮСЕ?

Этот вопрос занимал людей сотни лет. Ведь раньше никто и никогда на полюс не был...

В средние века одни ученые говорили: «На полюсе — неведомый большой материк из черных скал...» Дру-

гие: «Чистое ото льда море, богатое живностью — китами, моржами, нарвалами...» Третьи: «Страшные глубины, измерить которые человеку не под силу...» А один епископ даже утверждал, что на полюсе — мрак и холод, и живут там огнедышащие драконы и люди с песьими головами...

Советские ученые уже много лет исследуют район полюса — четверка

папанинцев, станции «СП» («Северный полюс»), походы на атомных подводных лодках подо льдом к полюсу и, наконец, рейс ледокола «Арктика»...

Огнедышащих драконов обнаружено не было, людей с песьими головами — тоже... А вот глубину океана точно на полюсе измерили. Она оказалась равной 4220 метрам...

Представь себе, что ты стоишь на самом Северном полюсе...

Откуда бы ни дул ветер, для тебя он будет южным ветром.

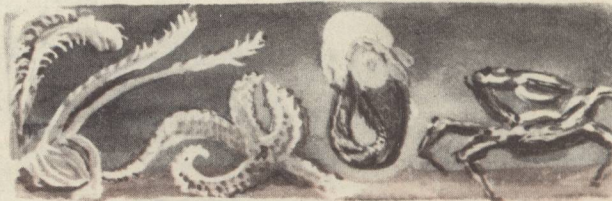
А вот теперь подумай: в какую сторону ты должен идти, чтобы ветер для тебя стал дуть точно с севера?

А есть ли что-нибудь живое подо льдом на самом полюсе?

Оказалось, что есть...

Глубоководная драга принесла вот какой улов: морскую лилию, рыбку, морскую звезду и краба...

А. КРЕСТИНСКИЙ

ТЕЛЕФОННЫЕ СНЫ

Неподалеку от булочной
Вечно простуженный, уличный,
Будочный спит телефон —
За день умаялся он.

Сумерки матово-синие,
Нету сигналов на линии,
В город вошла тишина,
Пахнет каплей весна.

Тихие улицы сонные,
Шумные сны телефонные —
Шорохи, скрипы, гудки,
Шепоты, крики, звонки...

Снится и снится усталому:
Плохо учителю старому,
В трубке — смятение и плач,
Нужен немедленно врач.

Снится глухое молчание,
Снится немое отчаянье,
Сердца растерянный стук —
Не откликается друг.

Снится, звенится и кажется:
Кто-то ответить отважится,
Кто-то дождется звонка,
Трубку подымет рука.

Тихие улицы сонные,
Шумные сны телефонные —
Шорохи, скрипы, гудки,
Шепоты, крики, звонки...

БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАХ

Ночью над телескопом
Колдовал астроном бородатый,
Мимо летели скопом
Звезды — народ крылатый.

Где-то быстрее света
Мчалась в бездонном мире
Звезда по имени Бета —
Две тысячи сто четыре.

Навстречу неслась упрямо,
О встрече не ведая вовсе,
Звезда по имени Гамма —
Три тысячи триста восемь.

Столкнуться бы им с разбега
В районе созвездия Девы,
Но тут появилась Омега —
Тысяча двести девять.

Своим притяжением властным
Их повела за собою...
Так — мощно вращая лассо —
Мустангов ловят ковбои.

Чужой повинувшись силе,
Бок о бок прошли исполины,
Тучами звездной пыли
Окутав друг другу спины.

Ушли, не сказав ни слова,
Омега, Гамма и Бета.
Во тьме алмазной подковой
Мерцала млечная Лета.

Бесшумным летели скопом
Звезды — народ крылатый,
Долго над телескопом
Колдовал астроном бородатый,

В стекла глядел литые
И размышлял при этом,
Что расстоянья такие
Под силу только поэтам.

Рисунок О. Зуева

ГВАРДЕЙСКИЙ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Командир отличного
мотострелкового взвода
Дмитрий Калениченко
проводит занятие
с юнармейцами

У нас в гостях юнармейцы одной из ленинградских школ — подшефные гвардейского учебного мотострелкового Ленинградского Краснознаменного, ордена Кутузова полка имени Ленинского комсомола — Витя Иващенко, Марина Ларионова, Андрей Сейлиев и Сережа Кудряшов.

Им слово:

Марина Ларионова:

— Эта дружба началась несколько лет назад, когда мы первый раз приехали к воинам полка. Сначала нам показали музей боевой славы, и мы узнали, что этот знаменитый полк — один из первых полков нашей Советской Армии. Он родился в феврале 1918 года. Потом мы пошли на экскурсию по военному городку. И один офицер сказал: «Советую посмотреть, как живет личный состав». Мы вошли в казарму, и в ту же секунду раздалась команда: «Встать, смирно!» Мы растерялись, мы подумали, что это нас приветствуют. Но оказалось, что не нас, а нашего провожатого. Помню, наши мальчики сразу стали интересоваться, как хранится оружие, а все девочки обратили внимание, что порядок в казарме просто идеальный. Кровати заправлены так аккуратно, что сколько бы ты ни глядел, все равно не обнаружишь даже самой маленькой морщинки. А шинели на вешалках

висят плечом к плечу — и это все красиво. Правда, нам объяснили, что дело не в красоте. Что висят они по отделениям. Справа — шинель командира отделения, а за ней шинели рядовых.

У одной из кроватей наш провожатый остановился. Она была совершенно такая же, как остальные. Но провожатый сказал: «Койка Героя Советского Союза Дмитрия Молодцова!» Герой Советского Союза Молодцов во время войны с фашистами закрыл грудью вражескую амбразуру. Его имя носит один из отрядов нашей дружины, а в школьном музее собраны о нем материалы. Но койку и личное оружие героя мы видели впервые.

Андрей Сейлиев:

— А вот совсем недавно был такой случай. Идем по военному городку. Идем, как положено, строем. И вдруг навстречу — взвод солдат. В таких случаях надо друг друга приветствовать. И мы знаем, как это надо делать. Но дело в том, что командира отряда с нами в тот момент не было. А мимо шел один офицер. Он сразу все понял и скомандовал: «Юнармейцы, слушай мою команду... Взвод, смирно! Равнение налево!» Тут уж мы, конечно, постарались. Как рубанём строевым. И те солдаты — тоже строевым. Здорово получилось...

Ну, а теперь о «Зарнице». В прошлом году по району заняли первое место. И на областном финале хорошо выступали. Знаете, там у нас был один момент. Ну пусть уж Витя Иващенко расскажет...

Витя Иващенко:

— В прошлом году областной финал «Зарницы» проводился под городом Лугой, там, где в годы Великой Отечественной войны шли бои с фашистами. И, когда я уезжал на «Зарницу», мама мне сказала, что в тех местах погиб мой дедушка. И я об этом все время помнил. И все-таки было неожиданно. Идет наш юнармейский отряд. Смотрим, братская могила. На обелиске — фамилии погибших солдат. Стал я читать, вижу — фамилия дедушки. И имя и отчество сходятся: Савенков Петр Семенович. Значит, здесь он и похоронен...

Сереза Кудряшов:

— Я хочу сказать, что «Зарница» не только учит нас быть сильными и мужественными, но и помогает в выборе профессии. Был в нашей школе командиром юнармейского отряда Эдик Бакуленко. А сейчас он — в Суворовском училище. И Ваня Казин — бывший барабанщик дружины — тоже в Суворовском. И еще я хочу сказать о наших шефах. Всем известно, служить в армии трудно, но бойцы и командиры всегда находят для нас время. Словом, чувствуем мы себя на положении сынов полка. А это, я считаю, здорово...

Рассказы ребят записал
В. ВЕРХОВСКИЙ
Фото В. Того

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

СПАСИБО ВETERANAM

Спасибо ветеранам
За подвиги в бою,
За то, что защитили
Вы Родину свою!
За то, что в жизни много
У нас счастливых дней,
За то, что ясно небо
Над Родиной моей!

Дима Баранцев,
10 лет, Ленинград

ДЕВОЧКА

Давным-давно, во время войны с фашистами, в сибирской деревеньке Марьяновке жила одна маленькая девочка. В школу еще не ходила, но писать печатному умела. И вот однажды взяла она карандаш и старательно вывела на бумаге:

«Я — Ада Занегина. Мне шесть лет. Гитлер выгнал нас из города Сычевки Смоленской области. Я хочу домой. Я маленькая, но знаю, что надо разбить Гитлера, и тогда поедем домой. Я копила деньги на куклу, а теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напиши в своей газете всем маленьким детям: если у них есть деньги, пусть тоже отдают на танк. Мы назовем наш танк «Малютка» и еще скорей победим Гитлера».

Свое письмо она подписала просто: «Девочка из Марьяновки».

Прочитал редактор письмо и велел напечатать его в газете. А через тридцать с лишним лет увидел эту газету Володя Яшин — красный следопыт Омского Дворца пионеров. «Ребята, — сказал своим товарищам Володя, — смотрите, какое интересное письмо». Все согласились: «Действительно, интересное. Надо начинать поиск».

В тот же день пошли в библиотеку и, листая старые газетные подшивки, выяснили: танк «Малютка» был построен и, громя врагов, дошел до рейхстага.

Потом следопыты поехали в Марьяновку. Ходили по дворам, спрашивали старожилы:

— Скажите, вы случайно не помните девочку Аду? Она в годы войны здесь жила.

Старожилы отвечали:

— Как же не помнить! Помним, худенькая такая, косички торчком. Мама у нее врачом в госпитале работала, а папа был танкистом и погиб в бою

ИЗ МАРЬЯНОВКИ

с фашистами. После войны Ада вместе с мамой обратно к себе в Сычевку уехала. Вы их теперь там ищите, на Смоленщине.

Полетели на Смоленщину следопытские письма. Одно... второе... третье...

лутка» и водил его в бой с фашистами?

Долгое время на этот вопрос никто не мог ответить следопытам. Наконец пришел долгожданный ответ: «Водителем-механиком танка был старший сержант Е. А. Петлюк. Ныне

женщина, добрая и улыбчивая.

Во-вторых, Ада Александровна Воронец и Екатерина Алексеевна Петлюк до этого никогда не встречались и ничего друг о друге не знали.

А в-третьих, и ветеран войны Петлюк, и девочка из Марья-

Встреча в Омском Дворце пионеров, на переднем плане, слева направо, Полина Терентьевна ЗАНЕГИНА, Екатерина Алексеевна ПЕТЛЮК, Ада Александровна ЗАНЕГИНА-ВОРОНЕЦ и Володя ЯШИН

На третье пришла телеграмма: «Дорогие друзья, сегодня получила ваше письмо. Спешу сообщить, что моя дочь Ада Александровна живет в городе Электросталь Московской области, работает, как и я, врачом, а фамилия ее теперь — Воронец».

А кто воевал на танке «Ма-

Петлюк проживает в Одессе».

А потом в Омском Дворце пионеров была встреча не менее интересная, чем вся эта история. Во-первых, все ребята думали, что бывший механик-водитель Е. А. Петлюк — это человек богатырского роста, с виду сильный и суровый.

А героем оказалась невысокая

новки, Ада Александровна, и следопыт Володя Яшин, и его товарищи, выступая на этой встрече, говорили: «Наш танк».

А это значит, что все они стали настоящими и верными друзьями.

К. ВАЛЕРОВ

СЕРДЦЕ КУТУЗОВА

СКАЗКА

Борис СЕРГУНЕНКОВ

Рисунок В. Цикоты

Когда в 1812 году двенадцатизыкая армия Наполеона вторглась в Россию и отступать было некуда, во главе русского войска стал полководец Кутузов. С ним русские разбили Наполеона и прогнали его из России. Умер Кутузов, а сердце его продолжало биться отвагой и любовью к Родине. Похоронили отважного полководца в Санкт-Петербурге, в Казанском соборе. В склеп положили гроб с телом Кутузова, сердце же поместили отдельно в серебряный сосуд — храниться на вечные времена, — справедливо считая, что

пока живо сердце отважного полководца, нечего бояться вражеских нападений.

Так и находилось сердце Кутузова в серебряном сосуде в склепе под десятью замками, чтобы ни один враг не мог его выкрасть, и люди жили бы, не опасаясь за судьбу родины, зная, что сердце Кутузова охранит их от бед.

Но вот на нашу страну напали фашисты. Как ни отважно сражалась Красная Армия, пришлось все-таки под натиском превосходящих сил врага отступить под стены Москвы. Вспомнили о сердце Кутузова и решили вынуть

его сердце из склепа, чтобы увидели враги сердце храброго русского полководца и от страха побежали.

Открыли склеп. Гроб с телом стоял, как и раньше, а серебряный сосуд с сердцем исчез.

Отрядили на поиски ученых. Где они только не искали серебряный сосуд: в подвалах старых домов, на чердаках, в музеях, в ветхом царском барахле на складе. Спрашивали у жителей города, даже по радио объявляли.

Но сосуд с сердцем как сквозь землю провалился.

И вот однажды, когда ученые совсем было разуверились в поисках и решили, что сердце Кутузова погибло бесследно, пришла к самому большому генералу одна старуха и попросила принять ее по важному секрету.

Принял старуху самый главный генерал.

— Ну, говори, бабушка, какой у тебя самый важный секрет?

— А вот какой, — отвечает старуха. — Слышала я, ищите вы сердце Кутузова. Так я говорю или нет?

— Верно, — отвечает главный генерал. — Да никак найти не можем. Или ты знаешь, где оно?

— Я-то, внучек, сто лет на свете прожила, я все знаю, — говорит она. — А вы сердце не там ищите.

— Верно, что не там, — говорит генерал. — Да где его искать?

— Сердце Кутузова, — говорит старуха, — там, где сейчас труднее всего, под Москвой, в самых что ни на есть передовых окопах. Это сердце у моего внука Вани Петрова. Коль хотите вы разыскать его, поезжайте, да поскорей, а не то не найдете.

Выслушал генерал слова старухи и приказал ученым побыстрее отправляться под Москву в самые что ни на есть передовые окопы, отыскать сердце Кутузова.

Прибыли ученые в самые передовые окопы. Кругом бой стоит, гремят пушки, строчат пулеметы. Много наших убитых лежит в снегу у Москвы, а фашистов еще больше. Прут они на наших солдат силой, хотят опрокинуть их, а те стоят насмерть.

Спрашивают ученые:

— Где тут есть солдат Иван Петров и как его найти?

Отвечают:

— Солдат Иван Петров пал героем на поле боя. Грудью своей остановил он проклятых врагов, не пустил в Москву, но и сам погиб.

Спрашивают:

— А не осталось ли от него каких-нибудь личных вещей? Не видел ли кто у него серебряного сосуда?

— Нет, — отвечают, — никакого серебряного сосуда мы у него не замечали. А остался от него кисет с махоркой, только табачок мы уже выкурили.

Затужили ученые. Вернулись они в штаб ни с чем. Докладывают генералу, так, мол, и так, погиб солдат Иван Петров под Москвой герой-

ской смертью, а сосуда с сердцем Кутузова при нем не оказалось.

— Что ж, — говорит генерал, — честь и слава отважному воину. А кисет обязательно отнесите бабушке, да скажите спасибо, что вырастила такого храброго внука.

Пошли ученые к старухе.

— Так и так, — говорят, — погиб твой внук в боях славной смертью. А это все, что от него осталось. Прими от нас глубокое соболезнование.

И дают ей кисет из-под махорки.

А она в ответ:

— Рано вы моего внука хоронить надумали, не такой он, чтобы от какого-то фашиста умереть. Не погиб он.

— Как так, — говорят, — не погиб. Погиб. Вот и кисет привезли — все, что от него осталось.

Посмотрела та на кисет и говорит:

— Хороший кисет, ничего не скажешь, а только не Ванин он. Тут цветочки, а у меня крестики были вышиты. Ошиблись вы, дорогие товарищи. Не там его искали.

Отвечают ей ученые:

— Как не там. Не ты ли говорила, что искать его надо в самых передовых окопах под Москвой? Иль перепутала все, старая?

— Ничего я не перепутала, — отвечает старуха. — Память, слава богу, у меня еще крепкая, не обижаясь. Тогда он под Москвой сражался, а сейчас прогнал врага из-под Москвы и в другом месте воюет. Гонит он, родненькие, его на Запад и находится в самых передовых окопах. Вот и письмо, если не верите.

Читают ученые письмо, а там написано: «Дорогая бабушка! Врага мы от Москвы прогнали. Было жарко, а еще жарче будет. Сейчас гоним его на Запад. С фронтовым приветом Иван Петров». И обратный адрес. «Самые передовые окопы».

Сели ученые скорей на самолет и отправились догонять Ивана Петрова в самые передовые окопы. Прилетели. А бой стоит кругом страшный. Гремят пушки, строчат пулеметы, много наших убито, а фашистов еще больше. Только теперь не они на наших жмут, а наши идут лавиной и остановить их невозможно.

Спрашивают ученые:

— Где тут есть солдат Иван Петров и как его найти?

Отвечают:

— Солдат Иван Петров погиб героем на поле боя, гоня врага на Запад.

Спрашивают:

— А не осталось ли от него каких-нибудь личных вещей? Не видал ли кто у него серебряного сосуда?

— Нет, — отвечают, — никакого серебряного сосуда у него не замечалось. А остался от него кисет с махоркой, только табачок мы уже выкурили.

Вернулись ученые ни с чем. Пришли к старухе. Рассказали ей про смерть внука, дают кисет, а старуха и слушать их не хочет.

— Рано вы моего внука хороните, — говорит. — Не так-то просто с ним врагу сладить. А кисет этот не моего Вани.

— Как, — говорят ученые, — не Ванин, ты говорила, что на твоём кисете крестики. И на этом крестики.

— Это верно, что на моем кисете крестики. Только тут крестики черным вышиты, а на моем белым.

— Что же ты, старая, опять все перепутала, — говорят ученые.

— Ничего я не перепутала, — отвечает она. — Тогда он был в самых передовых окопах, врага гнал, а теперь он уже до Берлина дошел. Громит врага в самом Берлине. Так что, если хотите его повидать, торопитесь. Вот и письмо он мне из самого Берлина написал.

Смотрят ученые, действительно, письмо написано из Берлина. Пишет Иван, что дошел до Берлина и скоро войне конец.

Сели ученые скорей на самолет, долетели до Берлина. А в Берлине тишина стоит необычайная в первый раз за все годы войны. Дымится обгорелое здания. А над рейхстагом вьется победный красный флаг.

Кончилась война, пришла победа.

Спрашивают ученые:

— Где тут есть солдат Иван Петров и как его найти?

Отвечают им:

— Солдат Иван Петров разбил врага в Берлине и с победой уехал домой.

Вернулись ученые, а им говорят:

— Нашлось сердце Кутузова, — и ведут в склеп Казанского собора удостовериться.

Видят они, и правда, стоит в склепе серебряный сосуд с сердцем Кутузова целый и невредимый, словно никуда не исчезал.

Удивляются:

— Как оно здесь оказалось? Не принес ли его солдат Иван Петров?

— Нет, — отвечают, — отыскалось само собой. Очень глубоко его под землю схоронили, оттого и не могли найти.

Явились ученые к генералу, докладывают:

— Выполнили ваше задание, нашли сердце Кутузова.

Говорит им генерал:

— Благодарю за службу.

Так и нашлось сердце Кутузова.

Говорят, будто лежит это сердце и сейчас в склепе, продолжая биться отвагой и любовью к Родине, охраняя ее, как и прежде, от бед.

Не буду спорить, возможно, это и так. Но мне думается, что отважное сердце Кутузова живет и бьется в груди каждого русского солдата.

НЕ ЧИСЛОМ,
А УМЕНИЕМ

ШКОЛА
БУДУЩИХ
КОМАНДИРОВ

Юнармейцы, внимание!

Кто из вас не мечтает стать полководцем! Кто не читал увлекательные повествования о битвах Александра Невского, Дмитрия Донского или Александра Васильевича Суворова. Но одно дело мечтать, а другое... Словом, мы предлагаем вам принять участие в необычной игре. Каждому из вас будет дана армия. Вы повторите некоторые из знаменитых сражений военной истории. Понятно, что разыгрывать мы будем только отдельные эпизоды. И начнем с самых простых, которые были на заре военной истории.

Итак, ваша армия состоит из 10 000 тяжелооруженных пехотинцев — гоплитов.

Можете не сомневаться, гоплиты смелы, выносливы и хорошо обучены сражению в боевом строю, который именуется «фаланга».

Кроме гоплитов, у вас под началом 2000 легкооруженных пехотинцев.

Много веков назад такой армией командовал один известный полководец. Узнав, что на территорию страны вторглись войска чужеземцев, он послал своих разведчиков собрать сведения о противнике. Через несколько часов ему доложили: «Враги прибыли с моря на 600 кораблях-триерах. Их армия состоит из десяти тысяч всадников и десяти тысяч пехотинцев». Выслушав разведчиков и хорошо зная местность, по которой двигаются враги, полководец принял боевое решение. Битва с врагами произошла в 42 километрах 195 метрах от столицы государства.

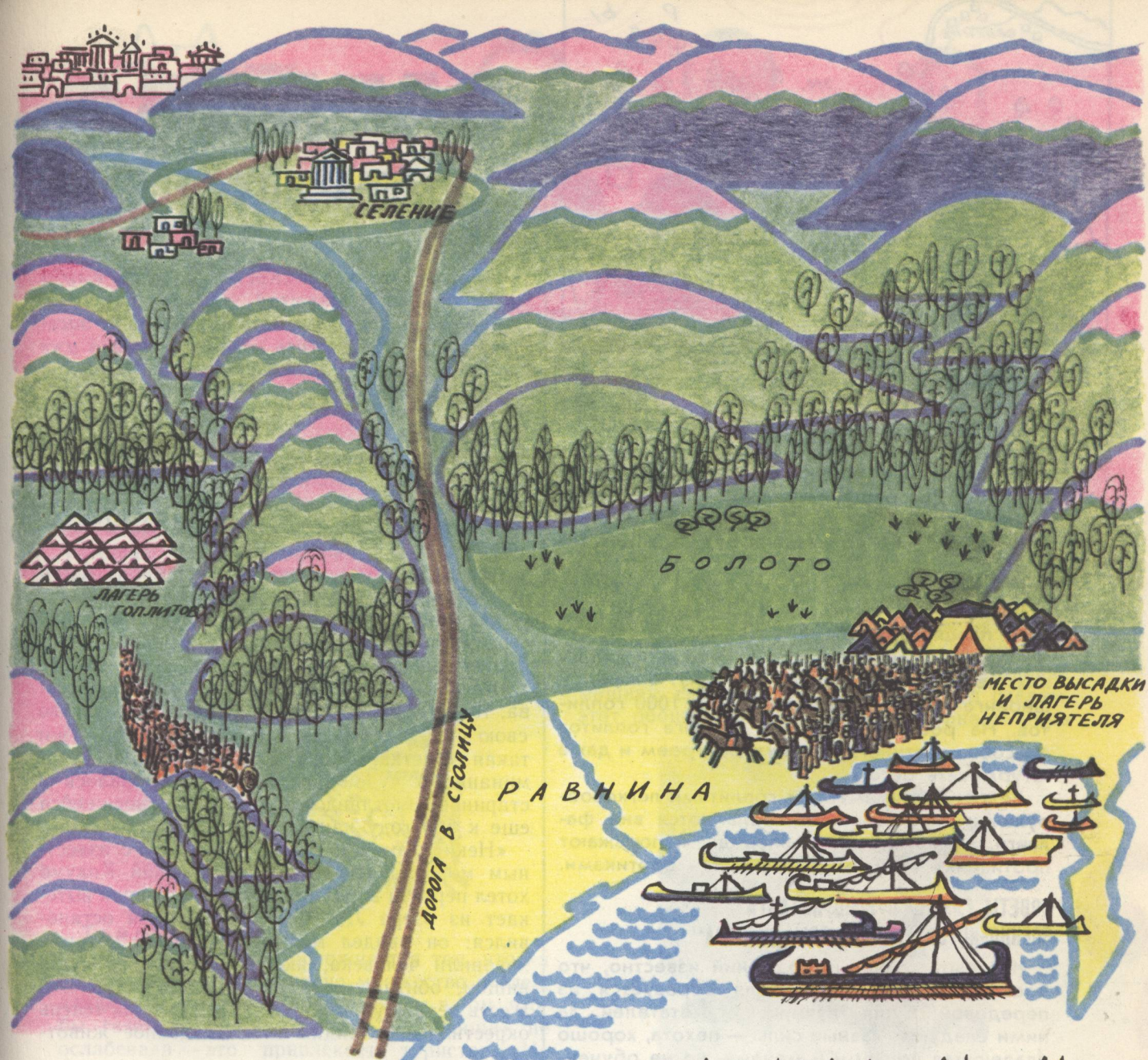

Схема фаланги

}} Легкая пехота

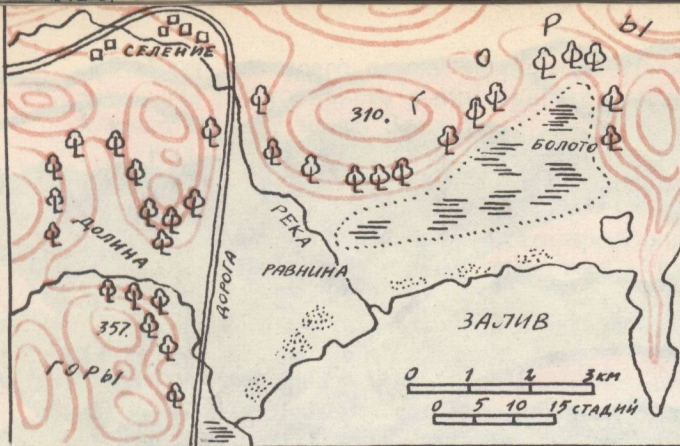

Гоплиты

Около 1 км по фронту

}} Легкая пехота

Вот схема местности, где произошла эта битва.

Внимательно изучив схему и познакомившись с военной азбукой и советами консультанта игры, вы получите все необходимые сведения для решения задачи.

Как расположите вы свои войска? Как поведете бой? Какие приказания будете отдавать?

ВОЕННАЯ АЗБУКА

Вооружение гоплита — копье, короткий меч, щит, панцирь, поножи.

Фаланга — линейное построение из нескольких шеренг, от 8 до 25 в глубину. В каждой шеренге может выстраиваться до 1000 гоплитов. На ровной местности фаланга гоплитов способна наступать сомкнутым строем и даже штурмовать бегом.

Действующие вместе с гоплитами легковооруженные пехотинцы располагаются вне фаланги, по флангам или впереди, и поражают противника стрелами, камнями и дротиками.

СОВЕТЫ ГЛАВНОГО КОНСУЛЬТАНТА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИГРЫ „КОСТРА“

Из опыта прошлых сражений известно, что боевой порядок неприятеля образуется из передовой группы лучников и метателей. За ними следуют главные силы — пехота, хорошо владеющая копьями и мечами, но не обученная схватке в сомкнутом строю, и конница, которая перед боем выстраивается на флангах пехоты. Следовательно, для развертывания войск противнику требуется широкая ровная местность, позволяющая наносить удары с флангов и тыла. Подумайте, нельзя ли в ущерб неприятелю использовать характер местности.

И еще один совет: обязательно прочитайте «Книгу будущих командиров» А. Митяева. А если в библиотеке ее не окажется, вам могут пригодиться: «Детская энциклопедия, т. VII» и «Древняя Греция. Книга для чтения».

В своих донесениях, которые вы должны прислать в редакцию не позднее 15 апреля сего года, следует доложить, какое вы приняли решение. К донесению должна быть приложена подробная, выполненная цветными карандашами схема действия ваших войск на местности и список литературы, которая вам помогла при решении задачи.

Генерал-майор артиллерии И. КНЫШ

ЗАГАДКА ОЗЕРА ЛОХ-НЕСС

Читатели журнала «Костер», члены Клуба Обыкновенных Открытий, сегодня впервые собрались за круглым столом. Первое заседание решено посвятить загадке, которая уже добрых сто лет притягивает взоры людей к шотландскому озеру Лох-Несс.

Даревский.

— В начале века в газете «Курьер Инвернесса» была опубликована следующая записка.

«СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ НА ОЗЕРЕ ЛОХ-НЕСС»

...В пятницу на прошлой неделе сэр Джон Маккей с супругой, прогуливаясь по берегу, увидели в озере странное животное, которое сэр Джон Маккей и окрестил чудовищем... Далее он не смог заниматься сколь-нибудь длительным обозреванием неведомого существа, так как был вынужден приводить в чувство свою супругу, упавшую в обморок...» Да, вот такая заметка... Но есть и более раннее упоминание о чудовище. Вот что говорилось в старинной шотландской хронике, относящейся еще к 565 году нашей эры.

«Некий Колумб, прошу не путать с известным мореплавателем, так вот, некий Колумб хотел перейти вброд речку Несси, которая вытекает из озера Лох-Несс, но вовремя остановился: он увидел местных жителей, которые хоронили человека, якобы искусанного чудовищем, обитавшим в озере...» Пожалуй, это и есть первое упоминание о Несси — так теперь окрестили шотландцы это загадочное животное...

А теперь я приведу вам отрывок еще из одной журнальной статьи: «Мистер Колл и мистер Вильсон ехали на своем пятитонном грузовике из Фойерса в Инвернесс. На воде они увидели широкий предмет. Он напоминал корму перевернутой лодки, но над ним змеилась голова, чем-то напоминающая лошадиную... Это существо двигалось параллельно дороге со скоростью приблизительно 33-х миль в час. По спидометру в машине шофер заметил, что неизвестное существо проплыло около 3 миль, при этом трижды погружалось в воду. Движение его осуществлялось широкими зигзагами...» Описанное здесь имело место уже в мае 1974 года!

Простаков.

— Но ведь это же огромная скорость — почти 60 километров в час. Она доступна только скоростным судам новейших типов!

Даревский.

— Это так. И если верить заявлению шо-

доктор
биологических наук
Илья Сергеевич
ДАРЕВСКИЙ,

кандидат
технических наук
Анатолий Леонидович
ПРОСТАКОВ,

кандидат
биологических наук
Виталий Николаевич
ТАНАСИЙЧУК

фера, то неизвестное животное двигалось, как змея. Змеи так быстро не плавают... Подчеркиваю: если верить... Уж кто-кто, а специалисты знают, — заявлениям так называемых очевидцев не всегда можно доверять.

Танасийчук.

— Вопрос о Несси осложняется тем, что на берегах озера расположено множество отелей, владельцы которых заинтересованы в том, чтобы газетная шумиха вокруг «чудовища» не ослабевала — это привлекает туристов. Не кажется ли вам странным, что никто никогда не видел останков многочисленных предков Несси? Я неоднократно бродил по берегам океанов, морей и озер и всегда находил чьи-нибудь останки. Мой приятель, например, на острове Беринга видел даже подобранную жителями кость морской коровы — гигантского животного, уничтоженного 200 лет тому назад человеком. Это на берегу океана, где могучий прибой смывает и уносит все. А тут — на берегах озера — никаких находок! Хотя бы какие-то следы, например, раны на теле крупных рыб. Ведь случается, что добыча уходит от хищника. И акулы оставляют такие следы, и гигантские кальмары, а тут — ничего!

Даревский.

— Животное может быть и не плотоядным. Однако вы правы, чтобы поверить в его существование, бесспорно нужны серьезные доказательства. Именно поэтому на озеро Лох-Несс были снаряжены научные экспедиции, о кото-

рых я еще расскажу. А пока давайте ознакомимся с картой озера, где обозначены места появления Несси... Опрошены более ста свидетелей. Сделаны фотографии. Первая из них сделана в апреле 1934 года жителем Лондона Вильсоном. Ранним утром он ехал из форта, когда неподалеку от дороги увидел какое-то странное движение в воде. Вильсон остановил машину, схватил фотокамеру и успел сделать этот обошедший все газеты и журналы мира

снимок... Как видите, на снимке можно различить плавник, шею, голову, часть туловища... Следующий снимок хоть и сделан уже в 1952 году лесничим Эласманом Стюартом, он менее интересен.

Танасийчук.

— Не подумайте, что хочу бросить тень на лесничего Стюарта, но мне кажется, что каждый человек с воображением, владеющий фотоаппаратом, может сделать снимок вроде этого. Лет двенадцать назад некто Андерсон выпустил в Америке книгу, иллюстрированную фотографиями, в которой описывал не что иное, как свой полет с инопланетянами в «летающей тарелке»!

В двадцатые годы в одном немецком журнале появились снимки, перепечатанные потом во всем мире; на них были изображены гигантские динозавры, снятые якобы в африканских тропических лесах, кажется, в Конго... Я видел эти снимки, они производили впечатление абсолютно достоверных. И что же? Это оказался фотомонтаж, очень хорошая подделка.

И наконец, я сам берусь за два дня изготовить фотографию любого чудовища. Снять его макет при известном навыке можно даже дома в тазу...

Простаков.

— Действительно, где гарантии, что фотографии подлинные? Техника фотографирования позволяет отснять любые чудеса... Конечно, у меня нет никаких оснований считать фотографии подделкой, и тем не менее я оставляю за собой право сомневаться в их подлинности... А знаете, ведь хочется верить. Хочется! Слишком большой соблазн.

Даревский.

— Сейчас в озере и на его берегу поставлены автоматические фотокамеры.

Простаков.

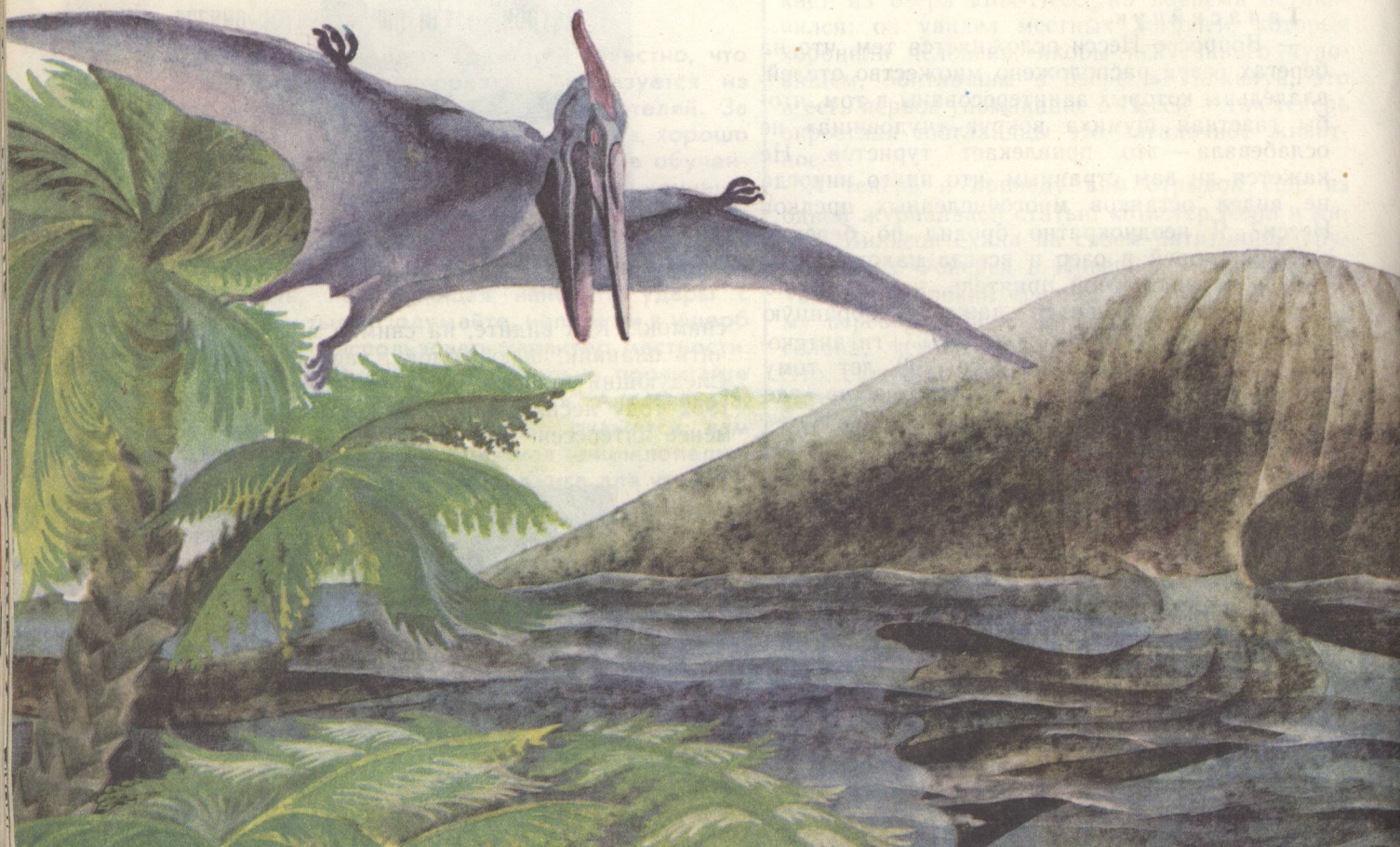
— Это другое дело — снимки, сделанные автоматической камерой, и неоднократно, при должном критическом анализе были бы настоящим свидетельством обитания в озере Лох-Несс неизвестного науке животного, но вот...

Даревский.

— Хорошо, давайте на время оставим Несси в покое и из Шотландии перенесемся в Индонезию, на остров Комодо. Слухи о драконах острова Комодо доходили до цивилизованного мира не один раз. Находились очевидцы, которые уверяли, что загадочные драконы пожирают лошадей вместе с седоками, а пули не пробивают их бронированную кожу... И вот экспедиция за драконами была снаряжена... За первой экспедицией последовала вторая, третья... В одной из таких экспедиций посчастливилось участвовать и мне. Дракон оказался крупным вараном — ящерицей длиной до 3-х метров. А вот другой пример — в 1939 году у берегов Южной Африки была поймана большая рыба. Она была столь необычна (вместо плавников — подобие кривых ручек), что в конце концов оказалась на столе ученых, и они, не веря своим глазам, увидели ископаемую кистеперую рыбу целоканта, которая, как считали до сих пор, вымерла 70 миллионов лет тому назад! Разве это открытие не настоящее чудо?!

Простаков.

— Вы хотите сказать, что Несси может оказаться одним из тех гигантских ящеров,

которые вымерли, как это принято считать, не один миллион лет тому назад?

Даревский.

— И такую версию нельзя отбрасывать. За семьдесят лет в различных странах было открыто тридцать четыре вида и подвида неизвестных прежде крупных животных и рыб. В 1903 году была открыта горная горилла, в 1913 — карликовая. В 1900 году открыт африканский круглоухий слон, а в 1906 году — карликовый слон. В 1914 году была обнаружена еще одна разновидность слона — болотный слон. Открытия продолжаются. В 1957 году, можно сказать, совсем недавно, у берегов Японии впервые был добыт ранее неизвестный ремнезубый кит, а в прошлом году — один из видов глубоководной акулы.

Простаков.

— Вы начали рассказывать о работе на озере научных экспедиций.

Даревский.

— Да, их на озере работало две. На поиск загадочного животного отправились ученые из Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Японии и Канады. Среди снаряжения, которое было доставлено на берег озера, были миниатюрная подводная лодка, всевозможные сонары для съемки, подводные фотокамеры с лампами-вспышками, срабатывающие по команде сонаров и ультразвуковых датчиков, и прочее...

Танасийчук.

— Анатолий Леонидович, а что такое сонары и сонарная съемка?

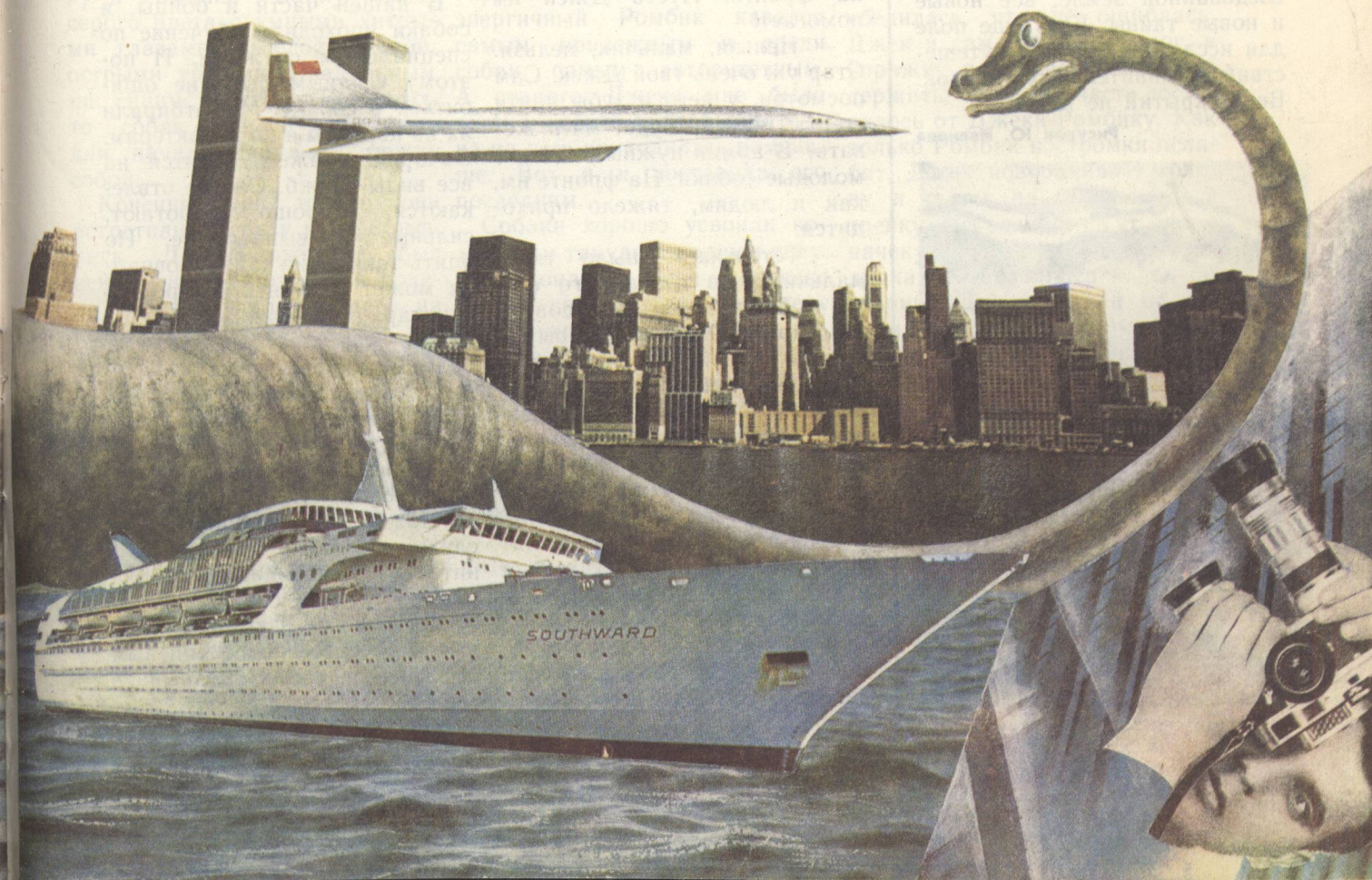
Простаков.

— Сонарная съемка — это поиск с помощью ультразвуковых приборов, позволяющий фиксировать на пленке подводные предметы совершенно так же, как радиолокаторы обнаруживают цели в воздухе.

Во время подводного поиска на озере Лох-Несс были получены сонарные карты. С помощью подводной съемки получена фотография, на которой изображено что-то напоминающее плавник животного.

Я внимательно изучил эти сонарные карты и фотографии. Поиск действительно велся очень хорошо и был первоклассно оснащен. Но окончательные выводы делать рано, и я присоединяюсь к высказыванию ученого Эмори Кристофора, который сказал: «Мы должны подождать хотя бы до тех пор, пока не получим новых данных. Если бы мы стали предаваться диким фантазиям, то поставили бы под удар всю научную работу. Люди сказали бы тогда, что мы не ученые, а просто изобретатели страшных сказок...»

Подлинной науке всегда свойственен скептицизм. Достоверным опытом или наблюдением она считает только такое, которое можно неоднократно повторить. Наука очень критична, она враг всяких подделок. Вот почему хотелось бы привести пример, как можно фальсифицировать даже сонарные карты. На рисунке — эхограмма, якобы полученная экспедицией, которая занималась поисками подобного же «чудища» у берегов Аляски. Как специалист, я могу сказать только, что это —

подделка: никакой сонар не в состоянии дать такое тонкое, а главное, рисующее животное сразу со всех сторон, изображение.

Но, как это часто получается, ищут одно, а находят другое. На снимках, сделанных экспедицией в Лох-Нессе, — древние сооружения, найденные на дне озера. Представьте себе, диаметр этих каменных кругов — 70 метров! А возраст построек 3—4 тысячи лет!

Даревский.

— Несколько слов о результатах работы экспедиции.

Официальный вывод ученых осторожен: они считают, что «добытые донные сведения недостаточны, чтобы с определенностью сказать, что в Лох-Нессе обитает животное неизвестного вида. Пока установлено, что в озере в разных местах с разной скоростью и на разных глубинах движутся неопознанные крупные объекты...»

Но я, со своей стороны, хочу добавить, что всеобщий интерес к легендам о «чудовищах» Лох-Несса имеет совершенно понятное объяснение. Пытливый ум человека продолжает разыскивать даже здесь, на, казалось бы, совершенно исследованной земле, все новые и новые тайны. Есть еще поле для исследований, для путешествий и удивительных находок. Век открытий не кончился.

Рисунок Ю. Иванова

ЧЕТВЕРОНОГИЕ БОЙЦЫ

Ирина ЯКОВЛЕВА

В первые дни Великой Отечественной войны ушла на фронт восемнадцатилетняя Нина Львовна Громбчевская, инструктор служебного собаководства. Собаки на войне разыскивали мины, вывозили раненых, взрывали фашистские танки. Они спасли тысячи человеческих жизней.

— Тетенька! Товарищ инструктор, возьмите моего Джека в армию. У меня отец и брат на фронте. Пусть Джек им помогает!

— Нельзя, мальчик, нельзя. Стар уж очень твой Джек. Сам посмотри, у него и зубы почти стерты. Чем он будет мясо жевать? В армии нужны сильные, молодые собаки. На фронте им, как и людям, тяжело приходится.

— Тетенька, — уныло тянет мальчик и в глазах его слезы. — Тетенька, Джек совсем не старей. Он и кости грызет, только давай, и Васькиного Шарика вчера победил. А Шарик-то во какой здоровенный, — и мальчуган поднимает руку метра на полтора от земли, — а вы говорите «старей». А какой он умный! Все понимает! Как наша курица цыплят растеряет, так он всех найдет и ей принесет. А как Танька, сестренка моя, один раз заплуталась, так Джек нашел и домой привел. А Танька редела, редела... Тетенька, а?

Вчера этот мальчонка со своим Джеком уже был у меня и вот пришел сегодня. Я смотрю на Джека. Немецкая овчарка, серая, уже древняя, даже глаза отдают синевой и шерсть на голове и боках почти вылезла. Но чем-то этот по всем категориям негодный пес очень мне симпатичен. И я вдруг решаю взять его, хотя твердо знаю, что попадет мне потом от командира.

— Ладно, Витя, возьму я твоего Джека. Иди записывай.

В нашей части и бойцы, и собаки проходили обучение по специальным службам. И поэтому главным было не ошибиться в собаке. Мы отбирали их по породам и по характерам. Овчарки, скажем, годятся на все виды служб. Они не отвлекаются, хорошо работают, сильные и выносливые. Но опять-таки не из каждой овчарки может получиться хороший санитар. Тут главным оказывается характер, и его-то и надо было угадать в собаке. Для санитарной службы мы отбирали собак добрых, спокойных и ласковых. Смелых и злобных тренировали для сторожевых и караульных служб. А к ездово-санитарной службе готовили собак исполнительных, спокойных и выносливых. Жадных собак, правда, официально их называют собаками с усиленным пищевым рефлексом, учили подрывать танки.

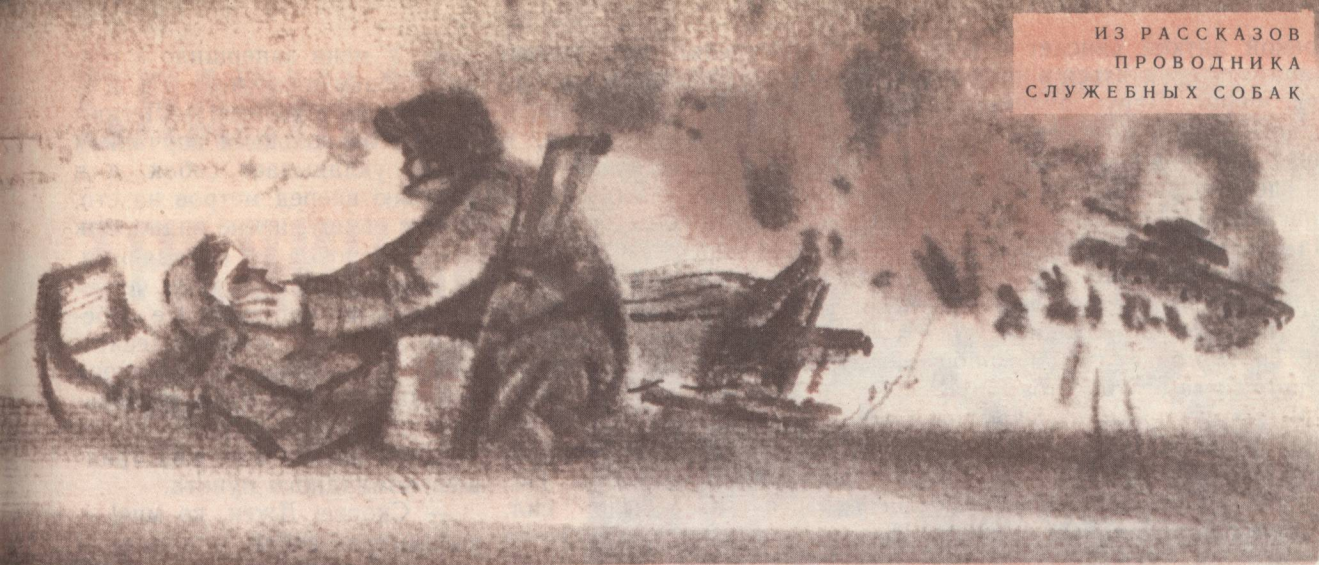

Рисунок Е. Галеркиной

По миноразыской службе работали овчарки помельче или просто маленькие дворняжки. Для этих собак главным был нюх и, как и везде, дисциплинированность.

Я должна была тренировать собак по ездово-санитарной службе. А это значило, что прежде всего нужно было научить их работать в упряжке. Кроме Джека, я получила еще одну немецкую овчарку — Найду, Улана — крупную сильную и флегматичную дворняжку и Ромбика — лайку темно-серого цвета с умными хитрыми глазами, веселой мордой, острыми ушками и задранным на спину хвостом. Вот этих-то собак мне нужно было для начала сдружить между собой.

Конечно, как только они встретились, сразу и перегрызлись. Джек тоже не был исключением. Поэтому я водила собак сначала по двое на коротких поводках. Один поводок в правой руке, другой — в левой. И так, пока все четверо не привыкли к обществу друг друга. А потом мы получили сани. Вот тут-то и началось сущее мучение. Собаки никак не хотели идти в одну сторону, пугались саней или ложились и тогда никакими словами невозможно было поднять их с земли. Помучилась я с ними часа полтора, пока не привязала к ошейнику Ромбика поводок. Он пока-

зался мне самым умным и энергичным псом, и я выбрала его в жожаки упряжки. Дело пошло лучше. Я погоняла собак командой «вперед!», и сама бежала рядом с ними так, чтобы они меня все время видели.

Прошло несколько дней. Мои собаки дружно тянули упряжь. Первым, весело задрал хвост, бежал Ромбик. За ним флегматичный Улан. По другую сторону попевала Найда, и последним, за Найдой, я пристегивала Джека. Получалась упряжка елочкой. Сильный и энергичный Ромбик казался самым прилежным и среди собак самым авторитетным. А старого Джека мне было жаль и хотелось, чтобы нагрузка на него приходилась поменьше. Вот я и поставила его последним.

Собаки хорошо усвоили команды и тянули в полную силу. Беспокоило меня только одно — сяду я в сани, проеду несколько километров и вижу — все мои собаки устали, один Ромбик идет свеженький. В упряжке очень важно, чтобы собаки были одинаковой силы и одинаково работали. Стала я присматриваться к своим собакам и особенно к Ромбику.

Замечаю — что-то в его работе не чисто, а что — понять не могу. Попросила товарищей посмотреть. И тут выяснилось, что Ромбик просто отъявленный лодырь и мошенник. В то время, когда вся упряжка дей-

ствительно добросовестно тянула сани, Ромбик только делал вид, что работает. Посмотришь со стороны — лучшая собака, больше всех старается, тянет постромки, грудью к самой земле прилегает, даже хвост опустит — вот, мол, как тяжело везти. А проверишь постромки, так и выясняется, что Ромбик только следит за тем, чтобы они не висели, а сам не думает тянуть. Вот тут я и решила поставить жожаком Джека.

Через несколько занятий я убедилась, что не ошиблась. Джек и сам тянул, как мог, и упряжку в повиновении сумел держать. Особенно часто доставалось от Джека Ромбику. Как только Ромбик постромки ослабит, Джек поворачивает голову и рычит на него, а то и трепку ему задаст. Тут уж я начеку. Слежу, чтобы общая драка не завязалась и как бы старика Джека в ней не загрызли. Хотя, что и говорить, драться он умел, не силой, конечно, брал, а сноровкой.

В июле наш батальон направили к передовой. Я примостилась на одной из подвод с продуктами и ем недозревшую красную смородину. Рядом, повесив хвосты, высунув языки и опустив головы, плетется моя упряжка. Собаки неопределенно-грязного цвета, животы подтянуты до отказа, с губ

тонкой ниткой свисает слюна. Начинаем спускаться в небольшой овраг. Вдруг пулеметная очередь. Кувырком лечу с подводы и прячусь в рожь. Собаки лежат рядом, нервно подрагивая и насторожив уши. На шоссе крики, шум. С грохотом, расплескивая суп, теряя горящие поленья, по дороге назад проносятся походные кухни. Трудно будет сегодня работать, кругом открытое поле.

Бой длится долго. Карманы моей гимнастерки оттопыриваются от бинтов, ваты, марли. Рукава закатаны. Руки выше локтей в крови. За спиной автомат, на поясе болтаются гранаты и фляжка с водой. Возим, перевязываем. Перевязываем, возим... Ни я, ни собаки с ужина ничего не ели, да и аппетит куда-то пропал. Только беспрестанно хочется пить. Собаки работают как черти! На поле боя идут спокойно, а как только положишь раненого, пульей вывозят его из-под огня.

Вообще, собаки мои действуют почти самостоятельно. Я только руковожу. И вот, пробегаю с упряжкой через широкий мост, Джек вдруг останавливается и, повизгивая, тянет меня под мост. Оказалось, что там лежат двое раненых, потерявших сознание. Если бы не чутье моих собак, ни мне, ни другим санитарам не пришлось бы в голову искать их там, за полтора километра от передовой.

На войне никогда не скажешь наперед, что тебя ждет завтра. Вчера мы выиграли бой, а сегодня попали в окружение. Выходить нужно было ночами. Командование отдало приказ уничтожить собак. чтобы они лаем не выдали нас врагу. Попробуйте на минуту встать на наше место. Уничтожить собак для нас было тем же, что уничтожить наших товарищей, бойцов. Так вот, политрук упросил командование отменить приказ. Приказ отменили, но политрука предупредили, что если собаки выдадут подразделение, он

будет расстрелян как изменник. И он согласился. На собак надели плотные намордники, и бойцы весь тяжелый путь, в течение нескольких ночей,несли их на руках. И вынесли.

Шли тяжелые бои за Калинин. После переформирования наша рота выехала на передовую. В бою, поднимая бойцов в атаку, упал тяжело раненный политрук. Товарищи осмотрели рану и решили, что он убит. Рота ушла вперед. Ночью политрук очнулся. Мороз, тишина и только звезды над ним. Пошевелиться не было сил. И вдруг он увидел, как из-за мелких елочек спешит к нему лохматый зверь. Политрук закрыл глаза. Что-то нежное, мягкое и мокрое коснулось щек и носа. Собака, тихо повизгивая, теребила его за полушубок. Теряя последние силы, политрук достал из санитарной сумки, закрепленной на спине собаки, флягу со спиртом. Приятное тепло разлилось по телу, сознание прояснилось. Политрук попробовал шевельнуться. Собака заюлила вокруг него, а потом исчезла в кустах, крепко зажав в зубах бринзель — небольшую кожаную палочку, прикрепленную к ошейнику. По этому опознавательному знаку вожатый узнает, что она нашла раненого.

Через несколько минут слышался скрип лыж, голоса и натруженное дыхание собак в санитарной упряжке. Политрук был спасен, а я получила новое задание — вывезти с командного пункта раненого лейтенанта.

Рейс предстоял нелегкий. Нужно было идти в самое пекло.

— Ну, Джек, выручай, старина! — Джек понял, весело махнул хвостом, приложил уши, — не робей, мол, хозяйка, не впервой!

Встряхнулись и Найда с Уланом.

— Ко мне! Рядом! — и мы двинулись.

Поднимаемся на бугор. Ого. Какой огонек! Воздух гудит. Стелется синий пороховой

дым. У меня запершило в горле. Собаки чихают.

— Лежать, Джек! — Легким поворотом головы и ворчанием Джек укладывает собак, а я уползаю вперед метров на сто. Потом свищу, и мне видно, как из-за сугробов то появляются, то исчезают морды моих четвероногих помощников. Не добывав до меня метров десяти, собаки ложатся, а я снова уползаю вперед, и так несколько раз.

Вот и шоссе, а за ним траншея командного пункта.

— Скорее, Джек, ко мне! — укладываю собак в канаве и ползу к траншеям.

Досталось же бедному лейтенанту — ранение в живот. Накладываю повязку. Через минуту упряжка около меня. Бойцы помогают положить раненого на нарты, и мы трогаемся в обратный путь. Трудный участок дороги почти позади, и казалось, можно было вздохнуть свободней, как вдруг — минометный налет.

Рвутся мины, визжат осколки. По каске, по спине бьет землей. Снимаю с нарт раненого, укрываю его в канаве. Ложусь рядом с ним. Джек уже на мне, прикрывая меня от осколков своим телом. Остальные собаки скулят, жмутся друг к другу. Становится как будто тише. Вскикиваю. Укладываю раненого. Хватаю Джека за ошейник и — вперед. Джек тяжело дышит и как-то уж слишком низко пригибается к земле. Вдруг впереди траншея с полметра шириной. Обхода нет. Не раздумывая, прыгаю в канаву и, подставив спину, командую: «Вперед!» Собаки прыгают. Нарты проскакивают по спине. Теперь спасет только скорость.

Вот и санзвод.

— Стоять!

Собаки ложатся, а Джек валится на бок. По его спине струится кровь, дыхание хриплое, на губах пена. Санитары быстро уносят раненого, а я становлюсь на колени и твержу: «Джек! Джек!» Он лижет мне руку. Не выдерживаю, прижимаюсь лицом к его голове и плачу.

СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ

В цехе комбината

В каждом уголке нашей страны есть люди, строившие Магнитку, знаменитый магнитогорский металлургический комбинат имени Ленина. Вся страна по праву считает Магнитку своим родным детищем. Красота этого города особая — рабочая, современная. Недаром появилось много городов, которые тоже называют Магнитками: Казахстанская, Липецкая, Северная, Южная...

На табличке, прибитой у входа в школу № 21 города Магнитогорска, где я побывала во время поездки на Урал, написано:

«Имени 50-летия Советской власти.

Наши шефы — заводоуправление Магнитогорского металлургического комбината».

Мне захотелось понять, как же связана пионерская дружина этой школы со своими

шефами? В каких делах проявляется дружба пионеров и рабочих?

Задала я свой вопрос самим школьникам. Вот что они ответили:

— Мы живем в городе металлургов, большинство наших ребят после школы становятся металлургами. Но для того, чтобы знать эту профессию и полюбить ее, надо, по возможности, принимать участие в работе комбината так, чтобы видеть дело своих рук.

Пионеры охотно проводят сбор металлолома: все у нас в дружине знают, что лом очень нужен производству, нужен нашей Магнитке.

Дело, казалось бы, обычное, но в этой школе, действительно, общее. Сбор металлолома происходит всегда в начале учебного

Участвуем
в операции
„БАМу—
пионерские
поезда“

года, а потом — второй раз — весной. Самых трудолюбивых и ответственных ребят выбирают в штаб субботника. Проводится общедружинный митинг, на котором пионеры и комсомольцы узнают об успехах металлургов, получают конкретное задание... Все взрослые, участвовавшие в митинге, помогают ребятам и на субботнике.

...Весело грузят лом на машины, дружно едут по городу. Машины украшены лозунгами и флагами. На Комсомольской площади, у центральных проходных комбината, ребят встречают шефы. Как дорогих гостей принимают пионеров в заводских цехах. Такую честь они заслужили своей работой.

Радостно присутствовать на плавке сданного самим тобой металлолома. Многие, конечно, видели такую плавку в кинохронике, но ведь никакой фильм не может передать всю величественную красоту этого зрелища.

Пятьдесят километров рельсов БАМа отлито из пионерского металла. Сейчас продолжается сбор лома для поездов этой магистрали. Участвуя в акции «Пионерские поезда — БАМу», пионеры собрали металлолома в два с половиной раза больше, чем в прошлом году.

Простое «мероприятие» в этой школе давно переросло в трудовой праздник, который делает еще крепче дружбу с шефами, рабочими славной Магнитки.

А сколько кружков ведут в школе № 21 комсомольцы комбината! Надя Сухова — секцию тенниса, инженер Илья Аркадьевич Коломиец — кружок шахмат.

И разве удивительно, что после окончания школы большинство ребят идет работать на комбинат, который они уже так хорошо знают?

Традицией пионеров этой школы стало сажать деревья на Пионерской аллее и вместе со старшими готовиться ко Дню металлурга. Каждый выпускник школы стремится получить комсомольскую путевку на важнейшую стройку пятилетки.

Алла ДРАБКИНА

РАССКАЗЫ

ДРЕССИРОВЩИКА

Валентин ФИЛАТОВ

Рисунок С. Острова

Змеи в цирке

В жарких странах Южной Азии живут огромные удавы, которые называются сетчатыми питонами. Их блестящая сероватая пятнистая кожа разрисована черно-белой сеткой. Сетчатые питоны самые крупные среди азиатских змей. Они достигают десятиметровой длины и весят до ста килограммов! Питоны обычно едят мелких животных, но случается, что нападают на таких хищников, как шакалы и леопарды, душат их и заглатывают целиком!

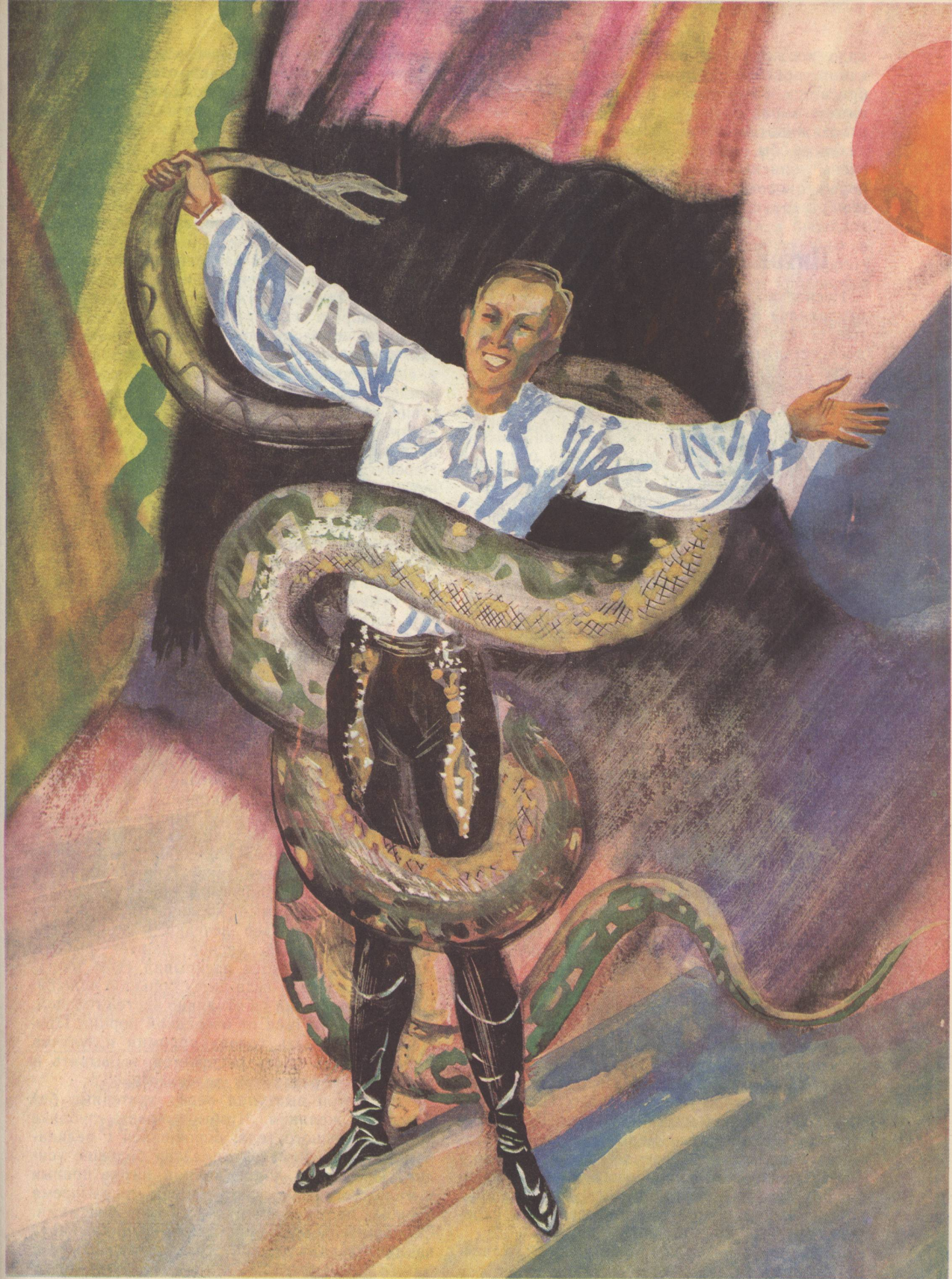
В нашем террариуме живут три сетчатых питона. Один крупный, шестиметровый, а два других поменьше — каждый длиной около четырех метров.

Кличек они не имеют, потому что, как все змеи, совсем глухие. Кричи хоть во весь голос — все равно не откликнутся. Но зато у змей в коже есть удивительно чувствительный аппарат, который вполне заменяет слух и предупреждает о появлении врага или добычи. Змея чувствует малейшее изменение температуры и точно определяет даже в темноте, где и на каком расстоянии находится появившееся животное или человек! Кроме того, и зрение у змей неплохое. Правда, в каждом месяце есть несколько дней, когда змеи сбрасывают кожу. В это время они плохо видят — глаза у них туманятся, как бы завлакиваются пеленой.

Живут питоны у нас по-царски! В комнате, где они находятся, всегда очень тепло. Температуру поддерживают металлические безопасные грелки.купаются питоны регулярно и не в обычной воде, как мы с вами, а в настоящем молоке — принимают молочные ванны. Спят на мягком ватном одеяле. Кормят змей всего один или два раза в месяц. Так они привыкли питаться на воле.

Один малый питон очень спокойный, хорошо слушается дрессировщика, любит выступать перед публикой и ползать по теплему ковру манежа. Другой — ужасный задира, с ним

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1978 г.

надо держать ухо востро — чуть что, и он, как мгновенно распрямляющаяся пружина, бросается на человека. У самого большого питона характер коварный. То это шестиметровое животное вяло ползает, то без всяких, казалось бы, причин становится быстрым и очень опасным — во время показательной борьбы норовит задушить своего наставника и партнера по выступлению — Валерия Филатова.

Питон в дорожной сумке

Несколько лет тому назад Валерий Филатов отправился в командировку в Ереван. Дирекция ереванского зоопарка продала нам молодого сетчатого питона. Этот змеинный ребенок весил почти тридцать килограммов и был длиной около трех метров. Предстояло перевезти его в Москву. Перед поездкой змею накормили и напоили, чтобы она была спокойней и добрей.

Ранним майским утром, когда солнышко окрасило вершины гор нежным розовым светом, Валерий Филатов бодро шагал по асфальту ереванского аэродрома к трапу самолета. Настроение у дрессировщика было превосходное. В его дорожной сумке лежал, свернувшись кренделем, сытый и смирный питон, будущий цирковой боец. Металлическая «молния» сумки была почти полностью закрыта, оставался незатянутым только кусочек застёжки, чтобы воздух свободно проникал в сумку. Змея ведь тоже должна дышать.

Дежурная стюардесса проверила билет, взглянула на сумку, которую пассажир слегка покачивал, и сказала:

— Прошу вас, товарищ, проходите в самолет!

Без труда найдя свое место, Филатов поставил сумку на пол. Но пришла суетливая кокетливая девица, шлепнулась в соседнее кресло у круглого окна и закинула ногу на ногу, ударив носком модного блестящего сапога по филатовской сумке. Валерий почувствовал, что змея заворочалась...

— Молодой человек! Ваш бэг, к сожалению, мешает мне, — капризно заявила соседка. — Для ручного багажа специально предназначена полка над креслами.

Как вы понимаете, Валерий не стал объяснять соседке, что находится внутри его дорожной сумки. Он молча поднял свою драгоценную ношу и аккуратно поставил ее на полку как раз над самой головой привередливой соседки.

Когда самолет набрал высоту, в пассажирском салоне стало тепло и светло. Пассажиры нежились в своих мягких креслах. Некоторые дремали, убаюканные мерным рокотом реактивных двигателей. Стюардессы готовили подносы с завтраком. Капризная девица, откинувшись в кресле, смотрела в окно. Там, под крылом самолета, проплывали белоснежные, словно лебединый пух, облака.

Никто не заметил, как привлеченный солнеч-

ными зайчиками питон просунул голову в отверстие между краями сумки, отодвинул замок «молнии» и наполовину выполз наружу. Сначала он обследовал полку, не обнаружил там ничего интересного, осмотрелся и торопливо пополз вниз, к пассажирам.

Филатова разбудил оглушительный женский визг. Валерий открыл глаза и увидел, что перед искаженным ужасом бледным лицом соседки медленно раскачивается змеиная голова. Из раскрытой пасти питона сквозь частокол зубов высовывался длинный раздвоенный язык. Пассажиры замерли от изумления и страха. Прибежавшая стюардесса, взглянув на змею, упала в обморок.

Паника продолжалась всего одну минуту, так как дрессировщик ловко схватил питона у самой головы, другой рукой снял с полки сумку и быстро водворил нарушителя спокойствия на место. «Молнию» пришлось закрыть почти до самого конца, а сумку с питоном поставить на освободившееся соседнее кресло. Перепуганная девица с проклятиями и рыданиями убежала со своего места куда-то в хвост самолета.

Больше питон вылазок не совершал, но его дальнейшее примерное поведение не избавило Валерия Филатова от уплаты штрафа за провоз змеи не в клетке, а в обыкновенной дорожной сумке.

В остальном путешествие закончилось благополучно, и питон в добром здравии был доставлен в Московский цирк.

Коварный великан

О скверном характере шестиметрового сетчатого питона я уже упоминал, а про то, какой он капризный и ленивый, вы еще не знаете. Эта огромная взрослая змея несколько лет вела себя как своенравный малыш — не желала принимать пищу! Прямо-таки голодовку объявила. Приходилось кормить ее с ложечки почти насильно. Один раз в месяц мы готовили для нее такое блюдо: тридцать куриных яиц размешивали в тазу, туда добавляли два килограмма кроличьего мяса, два килограмма говяжьей печени и заправляли этот оригинальный мясной паштет рыбьим жиром. Питон нехотя раскрывал свою пасть, и мы забрасывали туда пищу большой ложкой. В конце кормления он отчаянно вертел головой, пытаясь увернуться от очередной порции. Приходилось держать голову упряма и, улучив момент, когда пасть раскроется, всовывать в нее ложку с остатками деликатеса.

Этот питон выступал перед зрителями без большого желания. Чтобы показать публике красоту змеиного тела, боровшийся с великаном Валерий Филатов прилагал большие усилия. Правда, в конце концов питон привык к манежу, к ярким прожекторам, но во время борьбы пользовался нечестными приемами. Обвинившись вокруг тела дрессировщика, вдруг начинал с такой силой его сдавливать, что с

огромным трудом Валерию удавалось вырваться из змеинных объятий. Кроме храбрости и силы воли, борцу с удавом необходима ловкость, увертливость и немалая физическая сила. Держать на себе шестидесятикилограммовую змею даже без всякой борьбы нелегко!

Когда наши питоны сбрасывают кожу, они пользуются недельным отдыхом от выступления. За это время новая нежная кожа успевает загустеть, а сам питон отдохнуть. Поэтому мы держим трех питонов и они выступают по очереди.

Не знаю, что меня заставило в один из мартовских вечеров во время выступления Людмилы и Валерия Филатовых в Московском цирке на Цветном бульваре задержаться в артистическом проходе. Я внимательно следил за происходящим на манеже. Все шло гладко — животные хорошо слушались, зрители радовались и громко аплодировали. После того как Людмила продемонстрировала публике своих попугаев, настал черед Валерия бороться со змеей.

Рабочие вынесли на арену шестиметрового питона. Освещенный яркими прожекторами, он пополз по красному ковру, приподняв голову и величаво извивая длинное сильное тело. Меня немного насторожила его необычная живость. Но я объяснил активность змеи тем, что сегодня в террариуме было слишком жарко, питон разогрелся. Кроме того, в этом месяце не удалось его хорошо накормить и, вероятно, он был голоден. А это очень нежелательно для дрессировщика.

Валерий подошел к питону и привычным быстрым движением хотел схватить его за шею у головы. Питон ловко увернулся, еще выше приподнял голову и приготовился к броску. Я негромко сказал Валерию:

— Осторожней!

Валерий обошел змею и попытался взять ее еще раз. И снова питон успел отклониться, ощерил пасть, угрожающе оскалил острые зубы.

Только в третий раз попытка Валерия увенчалась успехом. Валерий поднял над головой змеиную голову. Зрители с облегчением вздохнули. Змея начала медленно обвивать грудь смельчака. В это мгновение питон неожиданно вырвался из рук дрессировщика и, окольцевав его плечи, повернул голову к лицу противника. Бледный, напрягшийся из последних сил Ва-

лерий попробовал снова схватить змею за шею, но промахнулся. Пятнистый великан злобно разинул пасть и вонзил зубы в кисть руки дрессировщика. Валерий не вскрикнул. Он пытался вытащить руку из змеинного капкана. На белоснежную кружевную рубашку, на брюки, на ковер хлынула кровь.

Инспектор манежа и униформисты растерялись, в публике раздался женский вопль. Людмила схватила питона за хвост, а я бросился на помощь Валерию. Взял змеиную шею и начал ее сдавливать. Мышцы питона напряглись, но челюсти он не разжал, а продолжал медленно заглатывать руку Валерия.

— Папа, — прошептал Валерий, — осторожно, не сверните змее шею.

— Быстро за кулисы! — скомандовал я.

Опомнившиеся униформисты помогли Людмиле поднять тяжелый хвост питона, и мы все скрылись от зрителей за занавесом.

Валерий вел себя героически, но я чувствовал, что силы его оставляют. Лоб покрылся испариной, лицо еще больше побледнело.

Мои попытки заставить питона отпустить свою жертву были безуспешны. Тогда я приказал подать две железные палки. Ими мне удалось разжать челюсти коварного великана и освободить Валерия.

Вскоре Валерий был уже в медпункте, где ему оказали помощь. К счастью, сухожилия оказались целы. Через месяц раны зажили.

Питона я приказал немедленно выкупать в прохладной ванне, чтобы он немного успокоился, а затем запереть в клетке и накормить. Ванна помогла мало. В клетке питон продолжал бушевать. Впервые за время своего пребывания в цирке эта огромная змея самостоятельно поела. Она проглотила одну за другой двенадцать морских свинок и только после такой обильной трапезы успокоилась и уснула.

Я был очень рад, что все обошлось. Валерий пострадал не очень серьезно, зубы и челюсти у дорогостоящего питона остались целы. Но бороться со строптивым животным после этого случая было опасно, и я передал великана в зверинец. Там он живет до сих пор. Его показывают детворе через решетку клетки. Артистическая карьера этого питона закончилась. Вместо него у нас сейчас выступает другой великан.

Окончание следует.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ПЕСЕНКА

Ровно в семь — ни более, ни менее,
Выхожу из дому с громким пением!
Кот меня какой-то услышал —
На чердак с испугу убежал!
А я стараюсь! Я всюю пою!
Пусть каждый слышит песенку мою!

Прохожие мне люди говорят:

— Поешь ты, словно целый вас отряд! —

Я объясняю:

— Громко так пою,

Чтоб люди песню слышали мою.

Света Ибрагимова,

4-й класс,

Альметьевск

РАДИЙ ПОГОДИН

ОНИ
ПИШУТ
ДЛЯ ВАС

Его книги покоряют всех. В любом возрасте. Я заметил — когда люди говорят о книгах Радия Погодина, лица их светлеют. Мне кажется, я знаю, отчего так...

Лет, наверное, восемнадцать тому назад в моих руках случайно оказался какой-то журнал. Я перелистывал его без всякого интереса, когда глаза вдруг зацепились за строчки:

«...Волны шли с моря, как упрямые, беспокойные мысли. Они требовали внимания и сосредоточенности. Они будто хотели сообщить людям тайну, без которой трудно или даже невозможно прожить на свете. Волны следили за ходом времени. Они считали: «Р-рраз!.. Два-ааа... Р-рраз!.. Два-аа», — без конца, как маятник, непреклонный и вечный...»

И со мной произошло то, чего еще не случалось никогда, — я словно в гипнозе дочитал рассказ до конца, и только когда мой взгляд, скользнув по последнему многоточию, оказался на белом поле, очнулся. Было то чувство счастья, которое всегда возникает при соприкосновении с прекрасным.

«Кто же мог так написать?» — подумал я, отыскивая заголовок. Рассказ назывался «Дубравка». Писатель был мне незнаком — Радий Погодин.

В прочитанном рассказе я сразу узнал Ялту с ее балконами, головокружительными лестницами, верандами, каменными заборами, крутыми улицами и санаторными парками,

с ее черными, как смоль, звездными ночами и вечным рокотом прибоя, к которому постепенно привыкаешь и перестаешь замечать... Конечно, так описать море мог только южанин!

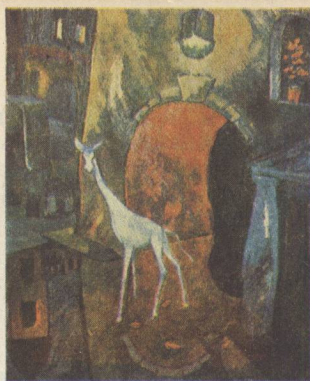
«Где-то у турецких берегов прошел шторм. Он раскачал море так, что даже у этого берега волны налезали друг на друга, схлестывались белыми гривами. Падали на берег, как поверженные быки, и с ревом уползали обратно... Большие пароходы поднимались над молотом, словно хотели присесть на бетон, отдохнуть, отоспаться. Прогулочные катера и рыбацьи сейнеры плясали возле причалов. Было похоже, что они вот-вот начнут прыгать друг через друга».

Сколько раз в Севастополе я видел все это — волны, взявшие невесту откуда в тихую погоду. И помню, как старые яличники, столь же древние, как камни Херсонеса, взирая на толчею волн в бухте, говорили: «Зыбь с Турции пришла. Там штормит, а у нас мотает!» И качали головами, не то осуж-

дая природу за такие порядки, не то удивляясь тому, как это стало возможным.

Ну откуда мог знать все это человек непосвященный?! Нет, конечно, не мог Погодин быть непосвященным, и, уверовав в это, я тут же причислил его к знаменитому клану писателей-черноморцев, из которого вышли Катаев, Петров, Ильф, Багрицкий, Олеша, Бабель, Паустовский и многие другие известные прозаики и поэты. Мог ли я предполагать, что пройдет несколько лет и однажды в Ленинграде меня представят невысокому бородавтому человеку с добрым лицом, который скажет, пожимая мне руку: «Радий Погодин».

Помню, как, выслушав меня, он улыбнулся в ответ той своей удивительной улыбкой, когда кажется, что все в нем улыбается: и губы, и щеки, и высокий лоб, и даже борода, и сказал: «А ведь верно — в «Дубравке» я Ялту описал! Но, знаете, в Ялте жил я всего несколько дней, а родился я, можно сказать, на реке Волхов. В Ленин-

граде живу с полутора лет». — «Как! — вырвалось у меня. — Но ведь вы же...» — и я замолчал. Мы оба выглядели крайне растерянными...

На следующий день он подарил мне книгу — «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде». Я открыл ее и прочитал:

«Весна пахнет арбузом. Особенно по утрам.

Земля дышит свежестью сквозь асфальт.

Земля пахнет прорастающими семенами.

Кто первым чует весну? Кошки. Кошек не проведешь. Они ходят по скользким крышам. Таращатся в небо. Они поджидают птиц, летящих из Африки, но птицы летят высоко, рядом с мокрыми тучами. Кошки тянутся вверх, поднимают когтистые лапы. Жадно стонут, орут и кусают друг друга».

Это было открытием — весной земля пахнет прорастающими семенами! Одним из многих открытий, которыми так щедро повесть «Ожидание». А сколько солнечного света, чистого воздуха, сколько человеческого тепла на ее страницах!

Читаешь повесть и кажется, что Погодин пишет легко и свободно, что строчки сами ложатся на бумагу, без труда. Мне повезло видеть, как он работает, и я воочию смог убедиться, что мастерство писателя — это огромный труд. Радий Погодин работает над каждой вещью, независимо от того, большая она или маленькая, в три этапа. Сначала он как бы делает эскиз углем. Затем приступает к этюдам — он ищет слова, передающие самую суть задуманного им. Фразы должны быть такими же точными, такими же единственными, как мазок художника. Только найдя их, Погодин приступает к полотну. И здесь он тоже работает не торопясь, чтобы в спешке не сделать неровного движения.

А два года тому назад он вдруг и вправду начал писать картины. Маслом. Его знакомые писатели выразили недоумение — человеку 50 лет, а он

время тратит на забаву. Его знакомые художники, которые привыкли к дилетантам относиться с пренебрежением, тоже выразили свое недоумение. А Погодин улыбался и молчал, видно, не хотел раньше времени признаваться в том, что задумал написать крошечную повесть о новгородском художнике мышонке Терентии — пусть сказку, но ведь о художнике! А разве можно написать о художнике, не изучив язык красок? «Нет!» — скажете вы и будете правы. Вот этим и занимался писатель, рисуя поочередно сначала желтого жирафа в подворотне, потом красного, ну, а затем уже и белого...

Среди многочисленных талантов есть один, возможно, самый замечательный, — это талант человеческой души.

Май 1945 года девятнадцатилетний сержант-разведчик Радий Погодин встретил на подступах к Берлину. Предстоял штурм гитлеровской столицы, и от мысли, что конец этого грандиознейшего боя станет началом мира, замирало сердце, и, быть может, впервые за четыре года войны солдаты, привыкшие смотреть смерти в глаза, привыкшие не замечать ее, думали о смерти, потому что теперь, когда война уже была выиграна, как никогда раньше хотелось вернуться к своим семьям, хотелось взять на руки детей и увидеть уставшие от тревоги глаза за жен и матерей, хотелось вернуться в аудитории и школьные классы, хотелось отстроить города и вернуть земле право радовать людей урожаями. Но гитлеровская верхушка отклонила предложение нашего командования сдать Берлин без боя, и уже не было иного выхода, как штурмовать столицу.

Танковая бригада, в которой воевал Погодин, ворвавшись в Берлин, повела затем наступление в направлении Потсдама — резиденции прусских королей. Известный всему миру дворец и парк Сан-Суси стоял на пути танков. Конечно, можно было вспомнить обугленные

дворцы Павловска и Петергофа, вырубленные замечательные парки, разрушенные фонтаны, и пройти танками прямо через парк, но командир бригады генерал Шамардин отдал приказ остановиться. «Ты ленинградец, тебе ничего объяснять не надо, — проговорил он, глядя командиру отделения разведки Погодину прямо в глаза. — Действуй, сержант».

Да, ему ничего объяснять не нужно было. Парк был похож на Павловский — такие же вековые аллеи и мраморные статуи. Они стояли, освещенные солнечными лучами, и казались живыми и незащищенными среди серых стволов и голых веток. Даже царапнуть их пулей было немудрено, но враг был тут же — зеленовато-серые тени мелькали в глубине парка, ждали.

«Больше шуму, ребята, — распорядился Погодин. — Палите в небо, куда хотите, но чтобы ни одной статуи не задеть!» — «Ясно», — проговорил кто-то и дал первую очередь над головой, а потом пошло... Стреляя только навстречу, разведчики прочесали парк, затем окружили дворец. Дворец был пуст. Ни картин, ни мебели. Только груды парусиновых туфель почему-то лежали на паркете, новеньких парусиновых туфель. Где же картины?..

Погодин нашел их в каретном сарае. Они уже были уложены в ящики и подготовлены к вывозу...

За такие бои разведчиков не награждают. Это так, эпизод. Мера их подвига измерялась мужеством, доступным немногим. Любой сedoусый солдат, узнав, что перед ним разведчик, посмотрит на него с уважением, потому что знает, каково уходить ночью за передовой окоп, ползти по минированной полосе, подныривать под колючую проволоку, за которой смерть. Уходить туда и возвращаться — удел не многих. В девятнадцать лет Радий Погодин был награжден двумя орденами Славы и двумя орденами Красной Звезды.

Как-то я спросил у Погодина, почему он — солдат 2-й гвардейской танковой армии, которую Верховное Командование бросало против самых отборных танковых дивизий СС «Викинг» и «Мертвая голова», почему он, ушедший на войну семнадцатилетним пареньком, разведчик — никогда не пишет о войне. Его лицо стало задумчивым и печальным. «Знаешь, — сказал он. — Нам, конечно, пришлось воевать...» — и не закончил.

Прошел год или два, и Погодин ответил на мой вопрос повестью «Живи, солдат». Эта повесть о том, как мальчишка из блокадного Ленинграда убегает на фронт. Не за подвигами. И даже не за тем, чтобы мстить врагу. Он уходит, потому что нельзя иначе. Потому что война, превращая людей в безногих и безруких калек, попирает человеческое достоинство... Да, быть может, это самая горькая повесть из тех, что написал Радий Погодин. И самая автобиографичная, потому что ее автора Радия Погодина и героя Альку, ставшего солдатом, на войну позвало одно желание — защитить право людей на счастье.

Иногда мне кажется, что Радий Погодин потому и стал писателем, чтобы по-прежнему защищать право людей на счастье. Ведь защищать — это не обязательно сражаться против чего-то или кого-то, это еще и учить вас, ребята, премудрости находить счастье, ибо «счастье, — как утверждает писатель, — дело тяжелое».

Крупинки писательской души всегда разбросаны по страницам его книг. Самые пытливые из вас, собрав эти крупинки вместе, узнают писателя лучше, чем если прочитают о нем статью или даже книгу о творчестве писателя. Нужно только уметь читать.

Когда-то давным-давно, еще до того, как киевский князь Владимир загнал народ в Днепр, чтобы окрестить его в новую веру, Русь щедро заселяли волшебники. Каких толь-

ко не было — лешие, домовые, ведуны, ведьмы, колдуны, कुдесники, волхвы... Помните, как у Пушкина: «Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен; правдив и свободен их вещий язык...» Правдив и свободен, а новая религия назвала человека «рабом божьим». Да разве ж могли волшебники стать рабами?! Подумаешь, кто-то там «прошел по воде яко по суху», ну и что? Иванушка, вон, на ковче-самолете летал! Одним хлебом кто-то сто или тысячу человек накормил, да хоть сто тысяч — есть для этого скатерть-самобранка да горшочки всякие!

Нет, не было таких чудес, которые могли бы удивить русских волшебников, ибо их собственное воображение было ярче, ибо сказки, которые они придумывали, были интереснее и добрее. Бродили они по степным шляхам и лесным тропам с котомкой за спиной и с гусями на боку, приходили в деревни, пели песни и рассказывали сказки, ставшие вещими потому, что не было в этих сказках места рабам, а только свободным людям. Вот и стали гоняться за волшебниками княжеские дружинники, хватать их, в темницах гноить, на дыбы вздергивать, а то и сжигать, заперев в сарае. Все меньше их оставалось на земле, но оставались все-таки, потому что народ их прятал. Так и дожили они до наших дней.

Я подумал об этом, прочитав последние книжки Радия Погодина — «Где леший живет», «Мальчик с гусями» и «Книжку про Гришку». И вспомнилась та первая фраза, сказанная им при нашем знакомстве: «Родился на реке Волхов». Волхов, волхвы, лешие... Каким-то удивительным образом они возродились в книгах писателя, предки которого жили на берегах этой самой реки еще до того, как Александр Невский повел новгородцев на встречу псам-рыцарям.

Читаешь эти книги — и покояет естественность повествования. Никого в поселке Горбы, а также в деревне Коржи

не удивляет «непутевый бродяга и сквернослов» кот Василий, говорящий со всеми на «вы» козел Розенкранц, влюбчивый воробей Аполлон Мухомов. Чтобы это стало возможным, нужен дар настоящего писателя. Дар этот в силу своей исключительности открывается не всем, и поэтому удачи здесь так же редки, как сполохи северного сияния на ленинградском небе.

«Книжка про Гришку» — веселая, добрая и мудрая повесть. Я уверен, ребята, что каждый из вас, кому повезет прочитать эту книгу, никогда не подумает, что перед ним сказка. Даже в тот момент, когда на ваших глазах Гришка, наученный воробьем Аполлоном, поднимется в воздух и пролетит над деревней, словно птица, даже тогда у вас останется ощущение, что так оно и было на самом деле. Не сомневаюсь, что приключения козла Розенкранца вызовут у вас веселый смех, а кое-кому даже захочется, чтобы такой же Розенкранц появился и у них в деревне. И я обещаю вам, что, дочитав эту книжку до конца, вы непременно испытаете высокое волнение, какое испытал Гришка, попавший в Весеннюю землю.

«Вдруг земля расступилась, образовав котловину. Над котловиной, как ручка у лукошка, полного ягод, стояла радуга. Словно выкрошились из нее осколки и упали, покрыв котловину бисером. Это была роса. Она не иссыхала здесь в жаркий полдень, сверкала на каждом цветке, на каждой малой былинке. Гришка боялся ступить дальше, чтобы не смять, не попортить сверкание. Он стоял, распахнув глаза во всю ширь, и разноцветие, хлынувшее в них прохладным потоком, сгустило голубой цвет Гришкиных глаз в пристально-синий...»

Такой Гришке является Родная Земля. Такой прекрасной она однажды открылась Радю Погодину. Такой она открывается и всем нам, читателям.

Геннадий ЧЕРКАШИН
Фото И. Колтуна

ЮЛЯ, СВЕТА и

М. ЭСТЕРЛИС

ДОМИНИК

Юля Богданова и Света Варганова живут в Ленинграде и учатся в одной школе. Только Юля учится в 7 «б» классе, а Света — в 7 «а».

А Доминик?

Доминик нигде не учится. И все считают, что так оно и должно быть.

Юля и Света — знаменитые пловчихи. Юля — дважды чемпионка Европы. Света — дважды чемпионка Вторых всесоюзных молодежных игр. Их тренер Мария Васильевна Амирова говорит: «Юля и Света плывут по олимпийскому курсу!»

А Доминик?

Доминик тоже ездит на соревнования по плаванию. И то-

же становится знаменитым. Но чем отличается кроль от брасса, которым плавают Юля и Света, Доминик до сих пор не знает.

Юля и Света — закадычные подруги. Но если бы вы знали, какие они разные и как о них трудно писать. Юля — не по годам серьезная, спокойная девочка. Света, напротив, — огонь и поговорить большая любительница. И просто не укладывается в сознании, как это так происходит, что Юля без конца все теряет — то очки, то полотенце, то расческу, а у Светы всегда все на месте. Кажалось бы, наоборот, логичней, если бы все было иначе, но

логика в данном случае не помогает. Такие уж они, Юля и Света.

А Доминик?

Доминик — молчун и тихоня.

С Юлей и Светой мы познакомились еще в прошлом году. И сперва познакомились с Юлей, на Всесоюзных соревнованиях на приз «Комсомольской правды». Мы сидели на трибунах ленинградского бассейна СКА и болели за самую юную участницу соревнований. Мы очень хотели ей помочь и громко кричали: «Юля! Юля! Быстрее!» И она так быстро проплыла дистанцию, что даже самый главный судья сказал своим помощникам: «Удиви-

тельно, потрясая... Такого я еще не видел!» Мы, конечно, сразу пошли ее поздравлять и, между прочим, спросили: «Юля, а ты слышала, как мы за тебя болели?» Юля удивилась: «Что вы, когда я выхожу на старт, я уже ничего не вижу и не слышу. Как бы это вам объяснить. Ну, понимаете, как во время контрольной по математике, когда человек должен первым делом сосредоточиться, чтобы уже ничего не отвлекало и не мешало».

Что же касается Светы, то на всесоюзную арену она «выплыла» немножко поздней, в Киеве, став чемпионкой спортивных молодежных игр. И там, в Киеве, после победных стартов давала свои первые интервью.

— Сегодня моя самая главная мечта — побывать в олимпийской Москве. Только не зрителем, а участником соревнований. Еще я стараюсь учиться только на пятерки. А когда я была маленькая, я мечтала стать боксером. Не верите? А вот мальчишки нашего двора до сих пор вспоминают, как я с ними дралась. И вообще, мама считает, что у меня мальчишеский характер. И, наверное, поэтому родители и знакомые мне всегда дарили мальчишеские игрушки — разные машины, конструкторы. Даже несколько автоматов было. Вот...

— А что у тебя в руках?

— Телеграмма от Юли. Она сейчас в сборной СССР готовится на олимпийской базе в Цахкадзоре. С моей первой победой Юля меня поздравила самая первая.

— А Доминик?

— Доминик — тоже настоящий друг. И я это поняла сразу, как только его увидела. Было это в узбекском городе Навои, куда вместе с тренером мы приехали на соревнования. Зашла однажды в игрушечный магазин, смотрю — слоненок. Я говорю Марии Васильевне: «Мария Васильевна, смотрите, какой прелестный слоненок!» И мы его тут же купили и назвали Домиником. И с тех пор он всегда вместе с нами.

Фото В. Галактионова

Рисунки
А. Януса

НАМ СООБЩАЮТ

...Готовы к началу операции «Чудо-дерево». Располагаем пришкольным участком. Руководит отрядом учительница биологии Галина Ильинична Кудрявцева.

Наша учительница Галина Ильинична в прошлом году привезла из Краснодарского края семена туи. Сейчас у нас растет пять молодых сеянцев этого южного растения. Мы о них заботимся, укрываем их на зиму, потому что они малы и слабы.

А в этом году Галина Ильинична привезла из Анапы семена кипариса. Надеемся на появление всходов этой весной.

**Оля Кокорина,
Федя Рыкан,
Лена Малюкова,
Оля Федорова**

поселок Красная Звезда
Ленинградской области

На нашем участке уже есть взрослые переселенные (интродуцированные) растения. Это клен ясенелистный и клен американский. Три года назад мы посадили аллею из молодых лиственниц. Высота их 1,5—2 метра. Растут они хорошо и не требуют особого ухода. Можем поделиться опытом с другими юннатами.

Будем участвовать в операции «Чудо-дерево». Под посадки отведем сад, над которым наш отряд взял шефство. Просим утвердить наш девиз — «Кленовый лист». Хотелось бы посадить фруктовые деревья и плодово-ягодные кусты. А из декоративных — липу, дуб, русский клен. Землю будем обрабатывать всем отрядом. Если взялись — значит, сделаем. Ждем указаний ученых.

С пионерским приветом

Светлана Бурякова,
село Екатериновка
Рязанской области

Наш отряд готов сажать редкостные деревья и кустарники. Но мы хотели бы, кроме тех растений, что рекомендуют ученые, сами посадить розы, кедры, лиственницы. Еще общаем, что наш отряд начал наблюдение за ондатрами и

бобрами, которые недавно откуда-то пришли и поселились в нашем пруду...

Андрей Севалкин,
село Мосур
Калужской области

На нашем пришкольном участке уже растут «иноземные» растения: орех-маньчжурский, клен татарский, клен приречный с ярко-красными листьями, ясень и другие.

Мы готовы принять участие в операции «Чудо-дерево» и

предстоит очутиться в очень разных климатических условиях... Обо всем мы расскажем в следующих номерах журнала. А пока я поделюсь с вами собственным опытом...

Более сорока лет прошло с тех пор, как я посадил свои первые растения на акклиматизационном участке в дендропарке Лесотехнической академии им. Кирова. За эти годы деревья выросли, стали моими друзьями. Теперь, приходя сюда, я снимаю шапку и говорю деревьям «здравствуйте!».

Я начинал свою работу не на пустом месте. До меня в

дендрарии работал такой известный ученый, как Эгберт Людвигович Вольф. Он составил шкалу зимостойкости растений. По пятибалльной системе. Почти как в школе, только наоборот: пятерку и четверку получали деревья, которые плохо переносят морозы, а, скажем, единицу — деревья к морозу очень устойчивые...

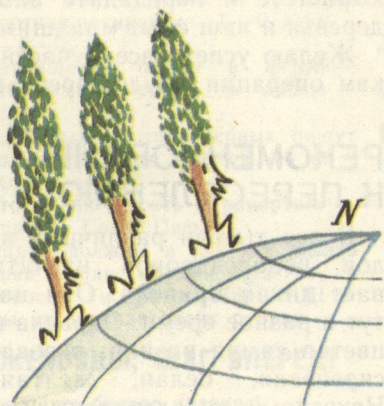
Наши многолетние опыты показали, что зимостойкость растений изменяется. Они «привыкают» к морозам, закаляются...

На улицах южных городов растет изящное и красивое растение — белая акация. Ее родина — юг Северной Америки. В Россию переселена еще в XVIII веке, но пока растет только в южных районах. На нашем опытном участке есть акация, которая хорошо растет и плодоносит. Из семян этого растения получено потомство. Оно более зимостойко, чем материнский экземпляр. Даже в морозы, доходившие до 35 градусов, потомство белой акации мало пострадало: обмерзли только концы молодых побегов.

начать опыты по акклиматизации новых для нашего края растений.

**Юля Петрова,
Света Золина,**
город Приозерск
Ленинградской области

Советует кандидат сельскохозяйственных наук доцент Николай Матвеевич АНДРОНОВ.

Итак, операция «Чудо-дерево»... Переселение, или, как мы, ученые, называем, — интродуцирование.

Впереди у вас, ребята, трудная, но интересная работа. Вам предстоит выбрать сорта растений из тех, что мы, ученые, вам рекомендуем. Потом — подготовить землю. Начать посадки. И самое главное, вести на участке научную работу — наблюдение за ростом и поведением растений, которым

Рододендрон

Молодые сеянцы легко погибают. Неокрепшие корни их вымерзают. Осенью, после первых морозов, мы укрываем сеянцы опилками до весны, помогая пережить морозы. Но дело в том, что самый холодный воздух зимой бывает над снежным покровом (до высоты 50—80 см). Выше — воздух теплее, под снегом и совсем теплый. Так вот, сначала под опилками и под снегом молодое деревцо отлично зимует. Но когда оно подрастает, верхушка его остается над снегом на всю зиму... И тогда начинают обмерзать верхушечные побеги.

Пихта кавказская на нашем участке долгие годы не могла преодолеть высоту снежного покрова. Побеги обмерзали, снова отрастали и снова обмерзали... Но с 1962 года пихта кавказская перестала обмерзать, она «переросла» трудный рубеж, и теперь хорошо растет. Сейчас высота ее около четырех метров, и мы ждем, что она начнет плодоносить.

Я говорю в основном о морозостойкости растений, словно других трудностей при акклиматизации не существует. На самом деле на растения влияет многое. Им приходится приспосабливаться и к новой долготе светового дня, и к новым почвам, и к влажности или сухости климата. Растения небезразличны и к своим соседям. Их корни, находясь в почве по соседству, действуют друг на друга... При этом одно растение может угнетающе действовать на другое...

Для некоторых растений возможно так называемое ступенчатое продвижение в новые районы. К примеру, кипа-

рисовые леса растут в Испании и Италии, а в нашей стране это растение прижилось в Крыму и на Кавказе. Если семена крымских кипарисов вырастить на Украине, а затем семена с Украины высеять в Белоруссии и так далее, то, наверное, можно достигнуть очень интересных результатов. Конечно, всему есть разумный предел, и вряд ли можно серьезно рассчитывать на акклиматизацию кипарисов в Заполярье...

Передавая, как эстафету, семена растений, вы, ребята, поможете переселить их на север, на запад, на юг или восток. Понадобятся годы, вы вырастаете и передадите ваши деревья и ваш опыт младшим...

Желаю успеха всем участникам операции «Чудо-дерево»!

РЕКОМЕНДОВАНЫ К ПЕРЕСЕЛЕНИЮ!

Более тысячи различных видов рододендронов насчитывает дикая природа. Они цветут в разное время. Окраска их цветов самая разная: розовая, сиреневая, белая, желтая... Некоторые рододендроны растут в форме небольшого деревца, большинство — кустарники. Живет рододендрон около двухсот лет. Рододендрон необыкновенно декоративен и довольно хорошо поддается акклиматизации. Есть среди рододендронов теплолюбивые виды, и есть более закаленные, живущие высоко в горах, на границе леса и тундры. Значит, рододендрон можно переселять как в южные, так и в северные районы нашей страны. Большинство рододендронов требует кислой (торфяной)

почвы, боится прямых солнечных лучей и сильных морозов, особенно в раннем возрасте.

Поначалу рододендроны могут расти на вашем письменном столе. Чашечку Петри (см. рисунок) наполните влажным торфом, рассыпьте по торфу семена и закройте крышкой. Не забудьте наклеить этикетку с датой посева и названием вида. Лучшее время для посева — февраль и март. Дней через 10—20 появятся всходы. Будет неплохо, если вы сделаете подсветку (можно обыкновенной настольной лампой). Не забывайте увлажнять почву, проветривать всходы, приподнимая на минуту крышку чашечки. После появления второй пары листочков надо пикировать растения в ящик с торфом (высота ящика 5—7 см, а расстояние между растениями около 2-х см). Ящик можно поставить на подоконник и притенить, прикрыть от прямых солнечных лучей. Щиток можно сделать из кальки. Летом пересадите растения в горшочки и вынесите на открытый воздух. В первые годы жизни растений зимой их содержат в прохладной оранжерее. На третью—четвертую зиму можно оставить зимовать на улице, укрыв сухими листьями, опилками и лапником.

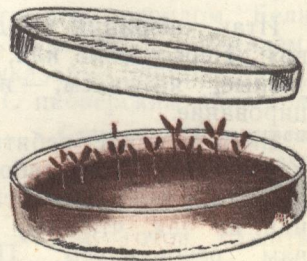
Некоторые виды рододендронов зацветают уже на четвертом году. Другие развиваются медленнее, но на 8—10-й год любой рододендрон порадует всех красивыми цветами.

С. Г. САХАРОВА,
инженер Ботанического сада
Лесотехнической академии
им. Кирова, член штаба
операции «Чудо-дерево»

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Кто хочет высадить на своих акклиматизационных участках рододендроны и не имеет возможности получить семена или сеянцы, просим обращаться за помощью в «Костер», операция «Чудо-дерево».

ШТАБ ОПЕРАЦИИ
«ЧУДО-ДЕРЕВО»

ЧЕМПИОНАТ-78

Что ожидает рыцарей во втором туре?

Шахматистов — две задачи на мат в два хода.

А. Белые: Крз3, Фс6, Ch5, Kh4; черные: Крз5, Лf7, Сb1.

Б. Белые: Кра4, Лf6, Ch2, Kb4, п.b7; черные: Кра7, Ке5.

Шашкистов — две концовки (автор Геннадий Купка, Севастополь), в которых нужно найти, как белые выигрывают.

А. Белые: а5, е3, е5, f4, g1, g3, g5; черные: а7, b2, с3, е7, h2, h6.

Б. Белые: b4, с1, d2, f2, f4, g1, h4, h6; черные: а5, с7, d6, f6, f8, g7, h2, h8.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

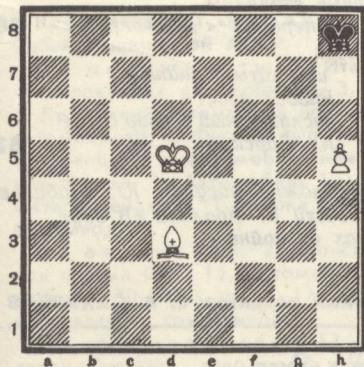
Из штаба АРЧЕБЕКА передают: все, писавшие просьбу о зачислении в Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток, приняты!

Шахмат-адмирал Ферзьбери поздравляет новых рыцарей и оруженосцев и предлагает им немедленно приступить к исполнению его приказов.

А тем, кто по каким-либо причинам еще не написал заявку на участие в шахматном или шашечном чемпионатах АРЧЕБЕКА, шахмат-адмирал разрешает это сделать сейчас.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Сегодня рыцари, зайдя в Уголок, увидели на доске такое положение.

— Где же игроки? — спросил Вася Белов. — Партия-то не окончена.

— А что тут кончать? Все ясно: белые проведут пешку в ферзи и выиграют. Потому черные и сдались, — сказал Коля Сливкин.

— Ясно-то ясно, но совсем другое: белой пешке в ферзи не пройти. Потому они и согласились на ничью, — возразил Федя Горновой. — Вот если бы черный король стоял на а8, а белая пешка — на а4, тогда другое дело — тогда бы черные могли спокойно сдать.

— Оба вы мало понимаете! — заявил Вася Белов. — И здесь ничья, и при черном короле на а8 и белой

пешке на а4 — тоже ничья. Не все ли равно, с какого края стоят король и пешка!

Мнения рыцарей разделились — одни за Васю, другие за Колю, третьи за Федю. А ты за кого?

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Как записать ходы в шахматах?» — спрашивает Валерий Громов.

Это делается очень просто.

Ход ладьей с f1 на f6 запишется Лf1—f6 (или кратко — Лf6);

Ход пешкой с е7 на е5 запишется е7—е5 (или кратко — е5);

Взятие конем f3 фигуры на е5 запишется Кf3:е5 (или К:е5);

Шах обозначается знаком + (Са4+), мат — знаком X (Ле8X);

Короткая рокировка — 0—0, длинная — 0—0—0;

Превращение пешки в ферзя — d7—d8Ф (или d8Ф), в ладью — d7—d8Л.

Ход белых и ответ черных пишут под одним номером — 1. е2—е4 е7—е5 (или 1. е4 е5).

«Что нужно писать в рапорте?» — спрашивает Саша Пель.

Рыцари должны в рапорте писать решения задач «Чемпионата-78», а оруженосцы и разведчики МШ — ответы на задания своих рубрик.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

1. Сыграй 25 партий (конечно, не за один раз).

2. Расставь фигуры так — белые: Крб6, Лел1; черные: Крд8. Как белые дают мат в два хода?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 11. Три задачи А. Гришина: № 1. 1. Кd2! и, если cd, то 2. Фg2; если c2, то 2. Лa1+; если Крб2, то 2. Кс4+. № 2. 1. Фс3! и, если bc, то 2. Ла4+; если Лb6, то 2. Фс7; если Лс6, то 2. Ф:b4+. № 3. 1. Cd8! и, если Крб1, то 2. Лb7+; если Крб2, то 2. Сf6+. Книга жалоб: 1. gel! c1 2. е1—d2 а3 3. b2 и т. д.

«Костер» № 12. Волк и Лиса: ab4 bc5; g4 a3; b4 c5; d4 g5; bc3 f4; hg3 h2; g3 f4; e3 b4; cb2 a3; c3 b2; gf2 d4; g3 e3; b2 f2; c3 h4; b4 g3; d2 f2; e3 d4; c5 b6. Уголок спорщиков: мат дается только в 9 ходов — ...d5; h4 d4; h5 d3; h6 d2; h7 d1K+!; Крf1 Ke3+; C:e3 Kph2; Крf2 Kph3; Крf3 и затем h8ФX.

РАЗВЕДКА МШ

Чтобы помочь отважным разведчикам МШ испытать свои силы и выполнить норму спортивного разряда, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ шахмат-адмирал Ферзьбери приказывает: открыть состязание разведчиков МШ — «ОПЕРАЦИЯ-100».

Календарь «Операции-100»: отборочный этап с февраля по июль, финал — с августа по октябрь.

Разряды, дипломы, призы — в финале. А попадут туда набравшие 50 очков (из 90 возможных — 18 задач по 5 очков).

Вести учет своих очков разведчики обязаны сами. В этом им поможет «Бюро самопроверки».

Можно ли участвовать сразу и в «Чемпионате-78» и в «Операции-100»? Можно. Но рапортовать о выполнении заданий обязательно на разных открытках.

Вопросы есть? Задавайте!

РЕЙД ПЕРВЫЙ

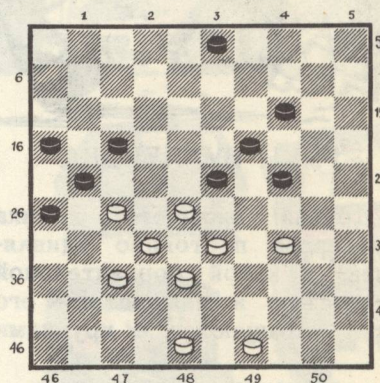
А. Белые: 27, 34, 36, 42, 43; черные: 11, 13, 23, 24, 31.

Б. Белые: 22, 27, 30, 38, 39; черные: 12, 13, 16, 23, 25.

В. Белые: 8, 15, 17, 31, 37, 49; черные: 19, 25, 28, 30, 39, 40.

Задача разведки: найти пути к победе белых.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ

Сил поровну. Но белые могут развить стремительную атаку: 1. 34—29! 23:34 2. 28—23! 19:39 3. 37—31! 26:28 4. 49—44! Обратите внимание на этот ход. Белые подставили шашку 44 под удар, но могут ли черные побить ее? Нет! В МШ при выборе обязательно бить там, где бьется больше, и поэтому черным приходится — 4... 21:43. А тогда 5. 44:11 16:7 6. 48:10X. Эта замечательная комбинация — открытие одного из сильнейших французских шашкистов прошлого века — Рафаэля. Запомните ее!

Теперь с правилом «Бить большинство!» вы знакомы. Об остальных двух правилах — в следующий раз.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем архебековцам отправить рапорты до 1 апреля.

§2. Рапорт писать на открытке (с рисунком или без — все равно) и не вкладывать ее в конверт.

§3. В левом верхнем углу открытки указать номер приказа и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
М. Беломлинского

КАК НАЙТИ УЧЕНОГО

Инженеру и ученому, от-
крывшему способ вулканизации
резины, Гудийру однажды поч-
тальон принес письмо. Ученого
встретил — это Гудийр.

РУКИ БУТЛЕРОВА

Друзья великого химика
Бутлерова постоянно удивля-
лись, с какой поразительной
ловкостью и изяществом его
руки обращаются с хрупкими

колбами, ретортами и пробир-
ками. Те же руки легко могли
согнуть кочергу буквой „Б“. Этот шуточный автограф по-
рой оставлял Бутлеров, если,
зайдя к друзьям в гости, не
заставал их дома.

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Композитор Бородин, отли-
чавшийся большой рассеян-
ностью, ехал вместе с женою
за границу. Во время проверки
паспортов на пограничном
пункте чиновник спросил, как
зовут его супругу. Бородин
растерянно оглянулся. Чинов-
ник смотрел на него все более
подозрительно.

Наконец, подошла Екатерина
Сергеевна, жена композитора.
Бородин кинулся к ней:

— Катя! Ради бога, скажи,
как тебя зовут?

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-50488. Сдано в набор 5/XI 1977 г. Подписано к печати 29/XII 1977 г. Формат 60×90/8. Печ.
л. 8. Усл.-печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 625 000 экз. Заказ 1509. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдатский секрет	1
рассказ Б. Никольского	
В двух шагах от войны	3
повесть В. Фролова	
Барaban	16
журнал юнкорov	
Намечено XXV съездом КПСС	20
Как мост на три части разре-	
зали	
очерк А. Сафонова	22
В поле ветры засвистели	
стихи Г. Морозова	24
Главный секрет будней	24
очерк Б. Алмазова	
«Глобус» из Кузнецка	28
зарисовка И. Ломакиной	
Коробочка в музее	29
рассказ Н. Григорьева	
Морская газета	32
Стихи	
А. Крестинского	34
Гвардейский имени Ленинского	
комсомола	35
Девочка из Марьяновки	
очерк В. Шумилина	36
Сердце Кутузова	
сказка Б. Сергуненкова	38
Школа будущих командиров	40
КООТ —	
Клуб Обыкновенных От-	
крытый	
материал подготовил	
Г. Черкашин	42
Четвероногие бойцы	
рассказы И. Яковлевой	46
Славные традиции	
очерк А. Драккиной	49
Рассказы дрессировщика	
В. Филатова	50
Они пишут для вас	54
Уголёк	
странички для малышей	57
Юля, Света и Доминик	
очерк М. Эстерлиса	59
Зеленые страницы	
операция «Чудо-дерево»	60
Арчебек	
шахматы и шашки	
Раздел ведет	
заслуженный тренер СССР	
Ю. Барский	63

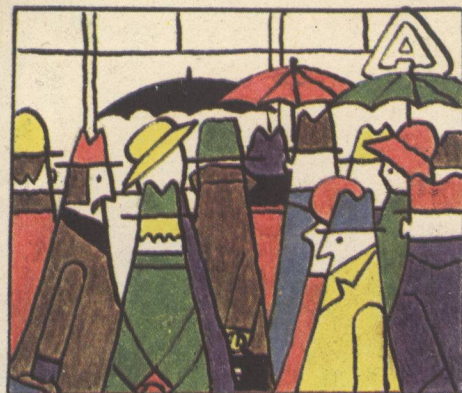
На обложке рисунок Ю. Шабанова
к повести В. Фролова «В двух
шагах от войны»

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

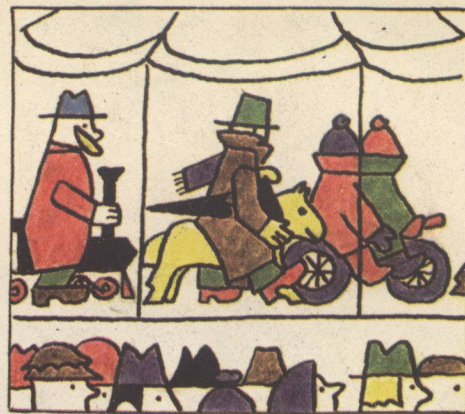
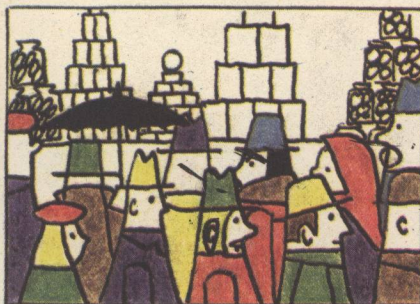
Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

Похититель одной из семи печатей клуба, стараясь сбить поисковую группу со следа, петлял по городу. Он пытался исчезнуть, растворившись в толпе, но это ему не удавалось. С 11 до 12 часов его видели стоящим на остановке. Затем с 12 до 13 часов он толкался в магазине. С 13 до 17 часов он катался на карусели до головокружения, лишь бы не уступить место другим. Затем похититель исчез, но, если быть внимательным, можно установить некоторые его приметы. Найдите на рисунках похитителя и помогите составить список его примет.

Кроссчайнворд «Баранка». Автор Вакиль АЛЛАМУРАТОВ, город Сибай Башкирской АССР.

По окружности: 1. Итальянская автомобильная фирма. 2. Марка чехословацких автомобилей. 3. Легковая машина фирмы «Опель», ФРГ. 4. Румынский автомобиль повышенной проходимости. 5. Марка английских автомобилей. 6. Фирма, выпускающая автомобили с роторным двигателем. 7. Французский автомобиль инженера Луи Лепауа. 8. Шведская автомобильная фирма. 9. Автомобиль итальянской фирмы «Лянча». 10. Автомобиль Остапа Бендера. 11. Марка советских автомобилей. 12. Крупный советский автозавод.

По вертикали: 2. Японская автомобильная фирма. 14. Автомобильная фирма ФРГ. 15. Автомобильная инспекция. 16. Марка советских автомобилей 30—40-х годов. 17. Автозавод, выпускающий «Жигули». 21. Марка советских грузовиков.

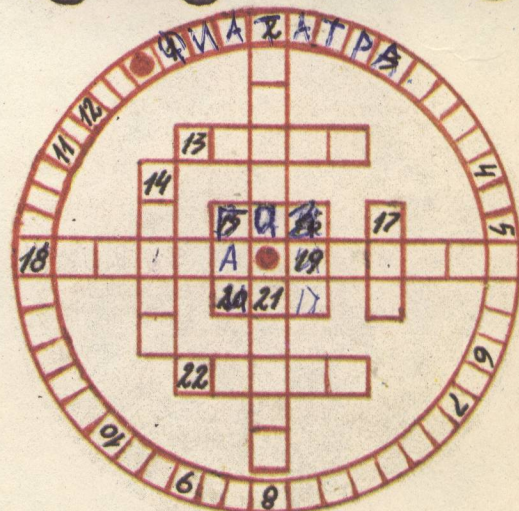
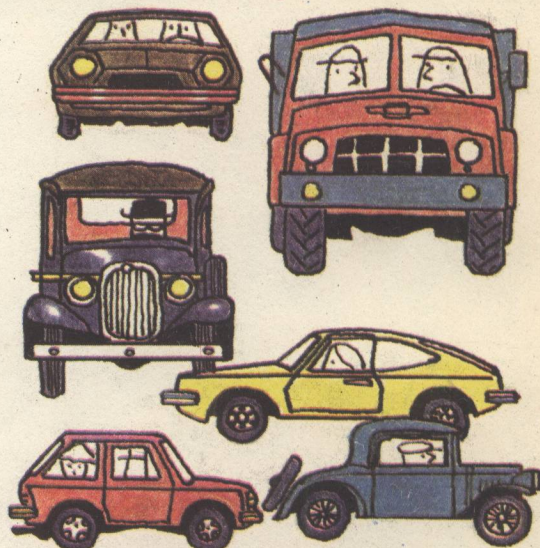
По горизонтали: 13. Чехословацкий автозавод. 15. Советский автомобильный завод. 18. Марка советского легкового автомобиля. 19. Марка венгерских автобусов. 20. Автомобиль, модификация марки «ягуар». 22. Легковой автомобиль с увеличенным кузовом.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 1.

Кроссворд. По горизонтали: 1. Динго. 7. Атакама. 8. Имандра. 11. Гага. 12. Аквис. 14. Топь. 15. Руно. 16. Камо. 20. Клевер. 21. Казарка. 22. Манила. 25. Актер. 27. Смена. 28. Перро. 29. Ненец. 31. Варна. 32. Обвал. 35. Судан. 37. Бухта. 38. Ласка. 39. Молох. 44. Творог. 45. Морозка. 46. Колумб. 49. Аида. 50. Кизи. 51. Роза. 53. Агора. 55. Сено. 56. Каратау. 57. Елисеев. 58. Ирбис.

По вертикали: 1. Драва. 2. Орикс. 3. Утка. 4. Парана. 5. Карбас. 6. Крот. 9. Кашалот. 10. Аполлон. 13. Судак. 15. Ржев. 17. Омар. 18. Басня. 19. Октет. 23. Аманауз. 24. Арабика. 25. Абрис. 26. Ревун. 29. Налим. 30. Цюрих. 33. Иткол. 34. Лайка. 36. Давыдов. 40. Лемминг. 41. Коса. 42. Рондо. 43. Коми. 47. Одетта. 48. Чирчик. 52. Азау. 53. Агути. 54. Аверс. 55. След.

Порядок рисунков: 2, 4, 1, 7, 6, 3, 5. Имя подозреваемого: Мегафон.

Никто не обижается

Владимир ОРЛОВ

Был у снега
Длинный путь —
Снегу нужно
Отдохнуть:
Он садится
На луга,
На высокие
Стога,
На опушку,
На избушку,
На столетнюю
Старушку,
На скамейки,
На кусты,
На заборы,
На мосты,
На пальто
И рукавицы
И девчонкам
На ресницы,
На известных
Футболистов,
На заслуженных
Артистов,
На прически
И носы,
Генералу на усы,
На милицию
Снижается...
И никто
Не обижается!

Рисунок Е. Вознесенской